

КСЮША ИВАНОВА

Ксюша Иванова

Барышня. Нельзя касаться

«Литнет»

2021

Иванова К.

Барышня. Нельзя касаться / К. Иванова — «Литнет», 2021

После пережитого в юности насилия, Катя не просто избегает мужчин, она боится физического контакта, не выносит прикосновений. Она живет с мамой и шпицем Джонни, вяжет игрушки и смотрит удивительные сны. Но у каждой болезни - свое лекарство. Главное - его найти... Марк Изотов: - Расскажи мне, какая ты? Барышня: - Я никакая. Меня нет. Марк Изотов: - А я тебя вижу! Ответить я не смогла - меня охватила паника! ОН МЕНЯ ВИДИТ! Я заметалась по комнате, судорожно ища место, куда бы было можно забиться, подобно раненому зверю - спрятаться, укрыться от его глаз! Звук входящего сообщения заставил чуть ли не ползком добраться до экрана компьютера и прочесть: Марк Изотов: - Вижу в том смысле, что очень хорошо себе представляю!

© Иванова К., 2021

© Литнет, 2021

Содержание

1 глава. Катя	5
2 глава. Катя	7
3 глава. Марк	9
4 глава. Катя.	12
5 глава. Марк	15
6 глава. Катя	18
7 глава. Катя	21
8 глава. Марк	24
9 глава. Катя	27
10 глава. Марк	29
11 глава. Катя	31
12 глава. Катя	34
13 глава. Катя	37
14 глава. Катя	39
15 глава. Марк	41
Конец ознакомительного фрагмента.	43

1 глава. Катя

- Бар-рышня, бар-рышня, - раздавалось над ухом Кати.
"Телевизор, что ли, работает?" - подумала она. - И что за голос такой странный — мурчащий, пушистый какой-то голос? Пушистый? Голос? Бред!"
- Да, бар-рышня же! Вс-ставай!
"Если уж барышня, то почему на "ты"? - мелькнуло в голове.
- Ес-сли ты не вс-станеешь сейчас-с же... Он уведет Гриш-ику в своё цар-рство.
Почему-то последняя фраза испугала Катю до такой степени, что она мгновенно распахнула глаза и подхватила на постели...
Я - Катя Семёнова. Мне тридцать семь лет. Где этот... мурчащий? По инерции осматриваю комнату — привычную, обычную, до боли знакомую. В ней нет никого и ничего, что могло бы издавать хоть какие-либо звуки. Даже телефон по случаю выходного оставлен в кухне — там он лучше заряжается. Здесь, в моей спальне, розетка совсем распаталась. Точно сон приснился. Странный какой-то сон... За закрытой дверью, в коридоре, нетерпеливо пляшет Джонни - я проспала дольше, чем обычно, и ему не терпится на улицу по своим собачьим делам.
- Эй, дружок, ты совсем измаялся тут? Потерпи, малыш, сейчас твоя мамочка умоется, оденется и пойдем!
... Во дворе полно людей. И это плохо. Мне неуютно. Так и кажется, что во-он тот дедуля незнакомый с подозрением смотрит на меня.
В соседнем подъезде снова жилыцы сменились. Две квартиры в нём сдаются — раз в год переезд случается обязательно. Сейчас новые жилыцы въезжают - у подъезда разгружается грузовик. Я стараюсь не пялиться на новоиспеченных соседей. Тем более, что один из грузчиков почему-то навязчиво посматривает в мою сторону. Или мне это только кажется...
Но любопытство никто не отменял — взгляд то и дело отрывается от резвящегося вокруг куста на небольшой площадке перед входом в парк, Джонни и возвращается к ним, к новой семье, которая будет жить в соседнем со мной подъезде.
Мужчину, главу семьи, помогающего грузчикам, одетым в специальные комбинезоны с логотипом фирмы "Март. Погрузки и перевозки", я по своему обыкновению не рассматриваю. Мужчина пугает меня самим фактом своего наличия поблизости.
А вот женщина привлекает мой взгляд. Высокая, очень стройная, с длинными пепельными локонами, она одета так, словно не в новый дом переезжает, а, как минимум, на прием к английской королеве отправляется.
- Максим! Максим! Скажи им, чтобы поосторожнее были с этими коробками — там хрусталь! - нервничает она, сжимая в руках маленькую жемчужно-серую в тон костюму сумочку.
- Мам, а можно я к собачке подойду, - слышу я фразу, обычную для детей, впервые увидевших Джонни, и перевожу свой взгляд на мальчика лет шести, сидящего возле женщины на одной из коробок.
- Только не близко — иначе укусит! - командует его мать, даже не взглянув на ребенка. Конечно, у неё есть дело поважнее — за хрусталем следить нужно! У меня, как бы, тоже спросить можно было бы — кусается пес или нет! Но до меня ей дела нет. Меня для нее не существует... Мальчик уверенно шагает к Джонни, без опаски — чего бояться-то, если пёсик такой милаха и малыш? А то, что у Джонни — отвратительный характер, знают немногие...
- Стой, где стоишь! - говорю ему, как можно менее дружелюбно. Я умею так! Я недобрая тетенька! Он останавливается, не дойдя до нас с Джонни метров пять. И это меня устраивает. И меня и собаку. Дистанция — наше всё.
- Он, наверное, кусается? - спрашивает мальчик с милой улыбочкой. У них, у будущих мужиков, в детстве всегда такие милые улыбочки — ангелочек, милаха прямо! И не скажешь, что из него потом очередной монстр вырастет...
- Он отгрызает руки и иногда даже головы, - заговорщицким тоном без тени улыбки говорю в ответ и добавляю. - Напрочь.
Глупого пацана эта новость не пугает. Попробуй шокируй подобными словами современного ребенка, который играет в "Call of Duty" или подобные шутеры какие-нибудь! А они все играют... Он делает ещё один шаг в нашу сторону.
- Да у него же зубы, как зубочистки, тонкие — что он там

отгрызть может? - поражается он. - Давай проверим? - говорю ему и протягиваю свою руку, выразительно глядя на его ладонь — мол, давай скормим псу твою конечность! Но мальчик решает продолжить наш увлекательный разговор, предусмотрительно спрятав ладошки в карманы штанишек.

 - А скажите, как вашу собаку зовут?

 - Джонни, - отвечаю я.

 - Привет, Джонни, - очень вежливо говорит собаке мальчик. - А меня зовут Гришей...

 Так, стоп! Где-то я недавно слышала это имя...

2 глава. Катя

День проходит как обычно в выходной - ненавистное посещение пары магазинов, чтобы пополнить запасы продуктов и кое-каких вещей, приготовление обеда и ужина для себя, мамы и Джонни, вечерняя прогулка с последним, звонок Алёны с тысячей обязательных вопросов, будто она не в курсе скудных событий нашей жизни, вязание, сидя у телевизора, сон...

"- А ты-то кто такой? - спросила Катя, садясь на постели и обводя взглядом комнату.

"Нет-нет, не комнату, светёлку! Что за слово такое "комната"? Ладно бы уж горница, что ли!" - подумалось с радостью. Вспомнилось с восторгом, что так, светёлкой, ее светлый девичий уголок называла Дусенька - кормилица, любимица всей семьи, с детства опекавшая и обожавшая самую младшую из детей Малейкиных - Катеньку.

Девушке чудилось, что она проснулась после долгой болезни, после недельного, а может быть, и более долгого по сроку, забытья. Она хорошо помнила, что она - Катенька Малейкина, младшая дочь Фёдора Игнатьича Малейкина, члена городского собрания, важного и уважаемого всеми человека в городе. Помнила, что ей вот-вот исполнится восемнадцать лет и совсем скоро, вот совершенно на днях (спросонья только в памяти все не появлялась точная дата!) ее ждет бал, на котором будет и Мишенька Васнецов, молодой поручик, возвращающийся с Кавказа! Красавец Мишель с кудрявыми кудрями солнечным видением ворвался в ее утро! Катя помнила и знакомство их тогда, давно, почти два года назад, на катке! Он ведь всего на три года старше, а ей, гимназистке, казалось, что на целую жизнь - так был серьезен, так гордо и с воодушевлением рассуждал он о необходимости служить на благо Отечества! Помнилось с восторгом, как размахивая коньками, они шли по улице, вдыхая морозный воздух и считая ранние зимние звезды! С легким смущением вспоминалось, как ругалась маменька, что Катюша припозднилась и домой возвращалась по темноте! И еще более ругалась, когда узнала, что возвращалась она не с сестренками Шаинскими, подружками-соседками, а с Мишелем!

И хоть встреча эта запала в самую душу девушки, была она единственной. Потому что спустя ровно сутки после встречи Михаил Васнецов был отправлен к месту службы - на Кавказ, а она - обратно, в Мариинскую гимназию... И мимолетная встреча эта, казалось, должна была забыться, стереться из памяти, растаять зимним снегом, что мгновенно исчезает, ручьями разбегается по мостовым, стоит только пригреть весеннему солнышку! А нет... Не исчезла и не растаяла! Вылилась Мишенькиными письмами, полными обожания и надежды на будущую встречу. А сколько прекрасных слов писал Мишель о ней самой, о ее красоте - и что лучшие нее не встречал девушки, и что покорен, влюблен до искр из глаз, что во снах ее видит... А на балу он будет - записку прислал с okazji, что к ее именинам, к 17 февраля, вернется!

Взгляд девушки, до того мечтательно скользивший по стенам девичьей светелки, медленно прошелся по столику у стены, тронул лежащие на нем любимые мелочи, подаренные маменькой к Рождеству: новое зеркальце на длинной ручке, гребень из слоновой кости - резной, камешками украшенный, бусы жемчужные белые, так красиво смотрящиеся в вырезе нового белоснежного платья, сшитого специально к балу! Катенька улыбнулась и только потом, заметив легкое движение на полу, вдруг увидела его - того самого, мурчащего, помешавшего ее сну!

- Жанни, проказник! - погрозила пальчиком рыжему коту-увальню, легко вспрыгнувшему на постель и тут же по-хозяйски развалившемуся на кровати у неё в ногах. - Ты чего мне спать не дал?

Приснится же такое - Жанни с нею во сне разговаривал!"...

- Эт-то что за зоопарк? Милочка, иди сюда, доченька! Посмотри, сколько твоя тетушка сделала для тебя игрушек! - прокричала Алена в приоткрытую дверь моей спальни и тут же передумала. - Хотя нет... Ванечка, придержи ее там, в кухне, я сейчас!

Усевшись на любимый широкий подоконник в своей комнате, я наблюдала, как Алёна, бормоча себе что-то под нос, быстро сгребала моих вязаных "детишек" и бросала их на кровать, совершенно не переживая, что у некоторых одежда отваливается, у кого-то (у кого есть) выбиваются из прически волосы, а кто-то теряет яблоки, сумочки, очки и другие запчасти. Потом сестра завернула всю игрушечную братию в покрывало и отодвинула этот сверток к спинке кровати.

- Лучше бы Милка зашла, чем ты! – проворчала я. – От нее меньше ущерба... Зачем ты их вообще трогала?

- Она ж, когда увидит, половину домой загребет! – возразила сестра. - Я их спрятала от ребенка!

- Ну и пусть бы забрала. Мне-то их куда девать?

И правда, куда мне девать их? Я вязала вечерами уже несколько лет. Носки, шапочки, шарфы, свитера себе, маме и семье Алёны. Но недавно увлеклась именно изготовлением игрушек – так увлеклась, что за три летних месяца, которые сестра с мужем и дочкой отдыхали на даче у Ваниных родителей, сотворила ровно двадцать вязаных животных и кукол. Последнюю неделю тоже вязала куколку, но эта работа пока была незакончена.

- Нет, жалко – красивые они у тебя получились! А что Милка? Растреплет всех, замусолит! Мала она ещё для такой красоты! Да и на нитках ведь волосинки там, ворсинки всякие. Выложи их фотографии в интернете! В «Одноклассниках» или «ВК»! Нет, лучше в «Одноклассниках» - я там часто подобное вижу! Хочешь, я Ванечку попрошу, он тебе прямо сейчас сделает страничку и нафоткает твоих зверушек? Между прочим, сейчас очень модно покупать деткам именно такие игрушки – ручного производства!

- Не надо Ванечку, - я даже подумать не могла о том, что муж Алёны зайдет в мою комнату, в мое убежище, куда только маме и сестре, ну еще Милке, можно! – Если мне будет нужно, я сама всё сделаю.

- Пойдем, посидишь с нами – мы торт принесли! Чаю попьем, - Аленка подошла ближе, остановилась, почти упираясь животом в мои колени. – Как ты тут без меня?

Как я? Да так же, как всегда. Один день – точная копия предыдущего. Новый месяц – повторение того, безымянного, который подошел к концу, а этот год ничем от того, предыдущего, не отличается...

- Нормально я. Как всегда. Иди, чай с мамой и с твоими попей. Ты же знаешь, не смогу я есть с вами.

Ни есть, ни пить, ни сидеть рядом с другими людьми долго не могу. Пятнадцать лет назад меня не просто изнасиловали, меня уничтожили, как личность, как человека, превратили в большое психически, сломленное существо без желаний, без стремлений, без воли к жизни.

Я иногда задумывалась о том, почему до сих пор живу, для чего Я нужна на земле. И по всему выходило, что нет от меня толку, нет пользы. Нет у меня цели, нет будущего. Ненавидя себя за слабость, презирая себя с самого первого дня после того кошмара, я все-таки покончить с собой не смогла... Хотела, несколько раз пыталась, но не смогла... Слабое безвольное существо не способно даже на такую малость - убраться из этой жизни!

У меня, конечно, было оправдание - мама, Алёна, Джонни... Надежды не было, веры не было, жизни не было... А я почему-то продолжала жить.

Я еще помнила наивные девичьи мечты, которыми было переполнено сердце девчонки-студентки до той вечеринки - хотелось встретить красивого, умного парня, встречаться-влюбляться. Туманно думалось о том, как я буду счастлива с любимым потом, в будущем, когда у нас будут дети... Обычные такие мечты, которым не суждено было сбыться.

3 глава. Марк

Работая в полиции, я, наверное, так никогда не уставал - ноги гудели, подошвы стоп буквально горели огнём. От голода буквально потряхивало - утром, кажется, была чашка кофе с сухарем. Или это было вчерашним утром?

Хотелось пожрать... Не поесть, а именно пожрать - горячего борща со сметаной, например! Стоило представить себе бордово-красный наваристый бульон с обязательным ломтем свинины на косточке, как рот наполнился слюной - сто лет не ел такой роскоши!

И сегодня не съем. Потому что у меня дома снова гости.

- Папочка! Наконец-то! Я так тебя ждала!

Дочка бросилась на шею и повисла, как обезьянка, покрывая поцелуями щеки. Только ради нее я каждый день приходил в этот дом, чувствуя себя в собственной квартире гостем, чужим, ненужным, инородным элементом. Моя соседка "по общежитию", а по-совместительству, юридически жена, но фактически - жена бывшая, Инна, жила жизнью особенной, как принято было говорить в ее компании - богемной. Она была поэтессой и, соответственно, вращалась в околехудожественных кругах. В нашей квартире вечно отирались бородатые художники, всклоченные писатели, пьяные поэты и бесконечные ценители талантов этих "великих", но пока недооцененных обществом гениев.

Выставить их за дверь было делом простым. И я выставлял. Не раз. Только Инна уходила в подобные нашей квартире "заведения", а иногда гораздо более запущенные, заполненные всяческим сбродом, вместе с Маринкой. Разве мог я позволить, чтобы ребенок, которого растил почти с пеленок, жил по чужим углам рядом с вечно пьяными, часто склонными к агрессии и самоуничтожению, людьми?

Если бы хватило ума в те годы, когда все у нас с Инной было хорошо, настоять на удочерении Маринки, сейчас бы просто отобрал ее и всё! Но по документам и по крови, она была не моей дочерью. А значит, чтобы отобрать ее у родной матери, нужны очень веские причины. А вечеринки и друзья Инны таковыми вовсе не являются. Поэтому я терпел. Пока терпел. Но собирал улики. Постепенно готовился к тому, что рано или поздно должно было случиться. Инна ошибется, а я это зафиксирую. Возможности и средства для этого у меня есть...

- Что там у нас сегодня? - я кивнул в сторону гостиной, где за закрытой дверью слышались приглушенные голоса.

- Сегодня по-минимуму, только Черкашка, Любонька и Хомячок.

- А что так? И даже Смирновского нет? - надо же, заявили только самые близкие друзья Незабудки, так в их кругах называли мою формально все еще жену.

- У них там горе какое-то. Вроде бы, помнишь, такой дяденька, в берете черном, что в прошлом году у нас неделю жил, умер. Смирновский ушел разузнавать. У них - траур.

- Пьют?

- Пьют, - с тяжелым вздохом ответила Марина.

"Пьют" - это плохо. Это, к счастью, не часто бывает. Иногда обходится без алкоголя - соберутся, стихи почитают, повосхищаются и расходятся. Или, что тоже случается, моя благоверная отчалит куда-нибудь и до полуночи мы с Маринкой предоставлены сами себе и наслаждаемся одиночеством.

А ведь сам виноват! Ведь видел, какая она! И, что скрывать, десять лет назад восхищался ее необычностью, ее возвышенностью, ее талантом! Это потом оказалось, что гораздо приятнее, когда жена встречает тебя с борщом на кухне и одна, чем с вечными стихами, тебе посвященными, но и с публикой!

На кухне был извечный бардак - посуда, окурки в пепельнице, крошки хлеба на изрезанной, местами прожженной клеенке, служащей нам скатертью. И ведь чего, казалось бы, такого

трудного - пойти и купить нормальную посуду, продукты, мебель, в конце концов? Да только мне вечно было некогда, а ей, видимо, не нужно...

- Ты ела сегодня? - Маринка из-под моей руки, открывшей холодильник, с интересом заглядывала вслед за мной внутрь агрегата, имевшего внутри все, что угодно, даже почему-то черные чернила в пластмассовом тюбике, только не имевшего еды...

- Ага. Она мне сварила два яйца и отдала последний кусочек хлеба. Но это было, когда я из школы пришла, - и как бы извиняясь передо мной, девятилетняя девчонка добавила. - Есть очень хотелось... Ничего не оставила. А денег, чтобы в магазин сходить за пельменями, она мне не дала. Сказала, чтобы ты сам о еде для себя позаботился.

И я бы, конечно, никуда сейчас не пошел. Мне бы в душ и завалиться спать. Но голодные глаза дочки, которую Инна, утонченная, всегда болезненно худая, считала толстой и кормила очень скудно, заснуть все равно не дали бы! Задувив, вспыхнувшую было адским пламенем в мозгу, ярость сильнейшим усилием воли, я накинул куртку и зашагал в круглосуточный продуктовый, расположенный на соседней улице.

Уже потом, наминая вместе с Маринкой вечные пельмени, с тоской следил за ее жадными взглядами, бросаемыми в сторону пакета конфет, приобретенных "на десерт". Сука! Как я докатился до такого? Как дожилась до того, что стал тряпкой в собственном доме? Почему, в конце концов, не устрою слежку за этой тварью, почему не отберу у нее ребенка?

Голос разума тут же возражал: "Вспомни, дорогой, что вышло из этого в последний раз! Вспомни, как она обвиняла тебя в педофилии! Вспомни, как рыдала в отделении участковой полиции, утверждая, что ты "не так" смотришь на Маринку, "не так" держишь ее за руку, "не так" укладываешь спать! И особенно упор делала, тварь неблагодарная, на то, что "девочка ему неродная"! И ей, конечно, никто не поверил. И доказательств у нее никаких не было и быть не могло. И подобные вещи можно было легко опровергнуть, проведя экспертизу с участием детского психолога и гинеколога на крайний случай. Но разве я мог подвергнуть свою девочку такому позору? Да и старые друзья в полиции не давали никаких гарантий, что я через суд смогу забрать девочку у родной матери, не лишенной прав, не имевшей приводов, не замеченной ни в чем предосудительном (о чем несколько лет назад, когда все у нас было хорошо, ещё работая в полиции, кстати, я позаботился сам!).

- Пап, давай я посуду помою? - Марина подхватила со своего места, выхватывая и мою тарелку.

- Ну, помой, - сыто откинувшись на спинку стула, ответил я, дико мечтая закурить, но никогда не делая этого при ребенке.

- Пап, а можно я завтра с Анжелой и Лизой посижу в кафе, помнишь на пути из школы есть такое с пальмами?

Я было уже открыл рот, чтобы сказать, что в ее возрасте рановато еще по кафе ходить, но вдруг осенило - е-мое, у Маринки же завтра день рождения! А сюда подружек она привести не сможет! Да и угощать девчонок здесь мать не станет. А, возможно, ребенок стесняется того, что в нашей квартире вполне могут находиться чужие нетрезвые люди и поэтому не хочет вести одноклассниц в свой дом...

- Марусь, я тебе денег дам. Угостишь девчонок. Справишься сама?

- Па, ты забыл, что мне уже почти десять? Конечно, справлюсь! - она заулыбалась, расцвела, затарахтела тарелками.

Инна хорошо одевалась, следила за собой, имела маникюр и шикарные волосы. Ее шкаф был заполнен одеждой, хотя в последний год я совершенно не снабжал ее деньгами, а еду для себя и Марины, частенько подьедаемую гостями, покупал сам, оплачивая также налоги, коммуналку и всяческие квартирные нужды. Инна нигде никогда не работала. Но деньги имела. Я уже давно не вдавался в подробности, где она их брала, хотя догадаться, каким местом зарабатывала моя ненормальная бывшая, было нетрудно.

Маринку одевал я. Инна иногда покупала ей совершенно не применимые в реальной жизни ребенка кружевные платица с перчатками до локтя, сарафанчики до пят и туфли на высоченной платформе. Маринка носить это отказывалась, как и все дети в ее возрасте мечтая о джинсах, балахонах, кроссовках. И носила в основном пару купленных нами штанов, серенький спортивный костюм и школьные сарафаны с белыми блузками и футболками.

- Марин, может, на выходных съездим в магазин и что-нибудь тебе купим? - осторожно начал я, намекая на подарок ко дню рождения.

Я был уверен, что она поймет мой намек и сама расскажет, что хочет получить в качестве подарка на праздник, но Марина почему-то промолчала. Подозрения возникли в тот момент, когда, уже собираясь подняться из-за стола и помочь ей, я поймал быстрый и какой-то, то ли разочарованный, то ли обиженный взгляд. Уселся обратно, напряженно обдумывая - не обещал ли я ей чего-то уже? Не просила ли она о чем-то?

Что-то неясное, непонятное крутилось в голове, словно был уже разговор... словно... И вот если так подумать, какая это мелочь - забыть о желании ребенка, о его просьбе! Ну, жизнь же от этого не прекратится? Нет! Я же обеспечиваю, кормлю-пою, одеваю, люблю, в конце концов... Но вечное чувство вины перед этой девчонкой, лишенной самого главного - семьи - мучило, изводило сердце. Хотелось подарить ей чудо, сказку, порадовать, сделать так, чтобы хохотала, веселилась, чтобы глаза светились от счастья!

- Марин, а хочешь, я за вами завтра заеду в школу и в кафе отвезу?

Намыленная тарелка выпала из ее пальцев, звонко стукнув о раковину. Она на секунду замерла на месте, а потом запищала, размахивая мокрыми руками, резко развернулась и бросилась мне на шею.

- Правда? И с нами посидишь?

- Угу.

- А потом... потом нас в кино отвезешь?

Я улыбнулся - правильная тактика у ребенка, нужно брать быка за рога, пока есть такая возможность!

- А как же домашнее задание?

- Пап, ты что? Какая домашка? Завтра же пятница!

4 глава. Катя.

И хоть еще вчера о том, чтобы выложить фотографии своих работ в интернет, я совершенно не думала, после ухода Алёны с семейством, неожиданно для себя уселась за компьютер.

Создавать группу в "Одноклассниках" оказалось делом увлекательным - выискивать подходящие картинки в интернете, придумывать надписи, загружать фотографии моих игрушек и эти фотографии делать, возясь с фонами и даже подсветкой. Долго думала, как назвать себя, кем представиться. О том, чтобы настоящее имя и фото показать всему миру, не шло и речи.

Нашла картинки девушек для аватарки. Долго разглядывала и выбрала - красавицу в платье с кринолином. Ну, а что, можно же помечтать? Легкомысленная шляпка на голове, завитки волос у лица, открытая улыбка - воздушное, милое создание, располагающее к себе, счастливое, такое, каким я никогда не стану...

Имя придумалось в то мгновение когда картинка заняла своё место в окошечке в левом верхнем углу экрана. Барышня! А саму группу назову: "Барышня со спицами"! Здорово как!

...Два дня после создания группы я ждала реакции, надеялась на возможные заказы. И нет, чтобы я очень нуждалась в деньгах, просто хотелось, чтобы дело моих рук кому-то понравилось, чтобы оценили, увидели, может быть, совсем немного, восхитились даже! К концу первой недели после создания пылу поубавилось. А через месяц он исчез совсем.

Сегодня вечером, скорее по привычке, чем в надежде увидеть сообщение от возможного заказчика, я включила компьютер. И увидела!

Марк Изотов:

-Здравствуйте, Барышня! Скажите, ваши игрушки продаются?

Ух, ты! Не может быть! Здорово! Какой-то мужчина хочет купить... Хотя, если подумать, зачем мужику игрушки? Эти подлые существа могут использовать мои поделки, как предлог, чтобы подкатить. Это женщина могла бы игрушку вязаную искать для своего ребенка. А мужики, они, детям разве игрушки покупают? И если вдруг покупают, разве они заказывают их по интернету?

Конечно, самый простой способ что-то узнать об этом человеке и из полученной информации выудить понимание того, есть ли у него вообще дети или их нет, это залезть на его страничку. Что может быть проще? Только не для меня. Я не могу. Это тоже самое, что зайти в дом к незнакомым людям, это то же самое, что приблизиться к человеку, рассмотреть его вблизи, а мне такое не нужно! Я не хочу и не могу! Я боюсь, что могу увидеть знакомое лицо и вдруг понять, что ОН написал именно МНЕ, а не просто вязальщице игрушек!

Я долго сомневалась, но не смогла удержаться - всё-таки набрала ответ, успокаивая себя тем, что ОН в любом случае находится сейчас далеко от меня. Он был в сети.

Барышня:

- А вы с какой целью интересуетесь?

Буквально через несколько секунд пришёл ответ - он что, сидит и гипнотизирует мою страничку?

Марк Изотов:

- У меня дочке скоро исполнится 10 лет, и она хочет вязаную игрушку. Точнее, она хочет куклу. Говорит, что сейчас в моде какие-то куклы из ниток, у которых есть только глаза, а носа и рта нет. Вы такую смогли бы связать?

Именно такую Я и вяжу сейчас! Почему-то стало радостно - надо же, кому-то ещё, кроме меня, такая прелесть нравится! Тем более, что четыре красавицы во всевозможных одежках уже готовы!

Барышня:

- Да, Я вам сейчас фотографии пришлю. У меня есть похожие на ту, которую вы описываете.

Пока он рассматривал фотографии, я перечитывала переписку, цепляясь взглядом за имя мужчины - надо же, а я своего бычка-громовержца назвала Марком! Почему-то вдруг стало смешно! Вчера только пришивала бирочку с именем бычку. Имя придумала неспроста - вычитала на каком-то сайте, что "Марк" переводится с греческого, как "молот". Ну вот и назвала, ведь тридцатисантиметровый бычок был связан в образе бога-громовержца, типа героев "Марвел" - с плащом героя, кувалдой в копытах и знаком супергероя на груди.

Что меня заставило сделать то, что я вдруг, неожиданно для себя сделала, я объяснить бы, наверное, никогда не смогла, только почему-то взяла и отправила ему фотку быка, именно ту, где хорошо видна была бирочка с именем. Потом опомнилась, удалила, но было уже поздно... Тут же пришло сообщение.

Марк Изотов:

- Две беру - Марка и куклу в розовой юбке. Сколько они стоят, как перевести деньги и как нам встретиться, чтобы я смог их забрать?

Два первых вопроса были просты. Цену я давно подсчитала, как советовала одна знакомая девушка-вязальщица, давно продававшая свои игрушки, потом урезала её до минимума, а деньги решила переводить на с трудом созданный недавно Яндекс.Кошелек и написала сразу же:

Барышня:

- По 900 рублей каждая.

На самом деле, за эти деньги едва-едва окупится материал, ушедший на изготовление игрушек - нитки, глазки, ткани, волосы для куколки, ботиночки из кожи для бычка... Но сам факт того, что кому-то мои игрушки понравились настолько, что их готовы были купить, стоил гораздо больше денег!

Марк Изотов:

- Как забрать?

И ни слова о том, что дорого! Ура! Я даже подхватила со стула и заплясала вокруг него от избытка чувств. Потом села, вспомнив, что совсем не продумала момент доставки. Как же их ему передать? Личная встреча совершенно исключена...

Барышня:

- Вам завезет, куда нужно, мой родственник. Пишите адрес.

Он неожиданно воспротивился.

Марк Изотов:

- Так не пойдет. Я не хочу обременять. Давайте, я сам заеду.

Только как объяснить совершенно незнакомому человеку, как рассказать, что даже на минутную встречу с ним я не смогу решиться? Не напишешь же, что я психически ненормальная и до ужаса боюсь мужчин?

...Утром на площадке меня и Джонни уже поджидал Гриша. В руках пакетик, в пакетике открытая и ополовиненная упаковка от кошачьего корма. Два дня назад, когда мальчик протянул пакетик мне, убеждая, что корм собачий от корма кошачьего практически ничем не отличается - он знает наверняка, он пробовал... Я не смогла отказать. Джонни тоже не смог. Более того, корм из кролика, как значилось на упаковке, очень понравился моему псу. Настолько, что Гриша получил позволение почесать за ушком.

- Кать, а можно с вами погулять?

- Ты же говорил, что мама не разрешает от дома далеко уходить, а мы с Джонни до конца парка доходим! Вдруг она выйдет, а тебя нет на месте?

Гриша расстроено вздохнул. Я уже давно поняла, что он буквально до дрожи боится свою мать и не брала его с собой не потому, что не хотела, а потому только, что эта высокая, недобрая женщина могла отругать мальчика, расстроить его.

А он оказался очень милым - открытым, добрым, общительным, веселым. Была в нем какая-то искра, что-то располагающее, привлекающее к себе.

- Кать, а вечером вы во сколько гулять выйдете? Как обычно в восемь?

5 глава. Марк

В соседней комнате надрывным, слезливо-пьяным голосом моей жены вещалось:

...Не думай, что здесь – могила,
Что я появлюсь, грозя...
Я слишком сама любила
Смеяться, когда нельзя!

И кровь прилиwała к коже,
И кудри мои вились...
Я тоже **была**, прохожий!
Прохожий, остановись! (1)

Мне не спалось. И дело было вовсе не в том, что в комнате Инны набирали обороты поминки или что там на этот раз происходило... Шуметь, драться и делать что-то подобное после моего возвращения домой эти долбанные интеллигенты не посмели бы, потому как бывали мною не единожды биты, выбрасывались неоднократно на улицу, сдавались в полицию. Меня боялись. Но все равно ходили в мой дом! И, сука! Я ничего с этим не мог поделать! Развестись с Инной, означало потерять Марину, оставить ее одну с "этими". А кто знает, на что способны они в пьяном угаре на своей, не на моей, территории? А Инне я бы даже котенка не доверил, не говоря уж о девочке, которую считал своей дочерью!

Может, я не понимаю чего-то? Может, сам виноват - не оценил метаний творческой души бывшей жены? И как же это всё достало! Как же достало-то! С легкой завистью вспомнился друг и напарник Олег Якунин, с которым вместе пять лет назад ушли из полиции, сменив серые будни оперов на веселую жизнь детективов собственного агентства, специализирующегося на розыске людей. Он и его жена Светлана - образец любящей семьи, где заботятся друг о друге, где ждут по вечерам домой...

Усилием воли заставил себя думать о работе, о деле, которое знал и любил. Розыск людей - не единственное, чем мы занимались. За последние годы чего только не делали! Собирали доказательства измены жены для важного дипломата, параллельно уголовному отделу расследовали дело о хищении крупной партии бриллиантов, поступивших на склад фабрики ювелирных изделий "Аметист", кучу всего еще... и даже разыскивали породистого кота старой генеральши, загулявшего по случаю весны. Наши услуги стоили дорого, работа выполнялась качественно... и всегда выполнялась, чего не скажешь о полиции. Поэтому клиентов было предостаточно.

И завтра, как обычно, будет нелегкий день! И завтра снова в конце него возникнет соблазнительная мысль остаться на работе или, наконец, ответить взаимностью на влюбленные взгляды нашего нового администратора, милой девушки Альбины, дипломированного юриста, между прочим, и отправиться не домой, а куда угодно, только подальше отсюда! И завтра я снова приду сюда, проклиная Инну, обстоятельства, нехватку времени и усталость...

Единственное, что радовало - это воспоминания о том, как сегодня в кафе принес для Маруськи из машины большую коробку, перевязанную алыми лентами. Закрывал глаза и видел восторженное, восхищенное, изумленное дочкино лицо. Помнил, как, уронив стул, она бросилась навстречу, как дрожащими руками развязывала ленты. Как кривились ее губы, не от недовольства, нет! От явно сдерживаемых слез радости! От счастья!

...И с благодарностью вспоминал незнакомую женщину, называвшую себя в сети Барышней, которая зачем-то собрала в подарочную коробку помимо заказанных мною вязаных игрушек, море всяких милых мелочей - энциклопедию для девочек, заколочки для волос, детский лак для ногтей, наушники, сладости! Все это было красиво переложено стильной упаковочной бумагой, украшено какими-то бусиками, цветочками, открыточками. И вдруг меня осенило - да она ж затратила больше, чем я ей заплатил!

Сон пропал окончательно. Глухо загудел включенный компьютер. В двенадцать ночи она была в сети. Не зная, с каких слов начинать благодарить ее, я просто сбросил с телефона

несколько фотографий, где Маринка с подругами разбирает коробку, где прижимает к себе игрушки, где счастливо хохочет, размахивая игрушечным быком.

Барышня:

- Спасибо вам огромное! Вы очень-очень порадовали меня!

Э-э... хм... Это ж должны были быть мои слова? Или я что-то не так понял? Несколько раз перечитал, пытаюсь вникнуть в смысл фразы. ОНА МЕНЯ благодарит! ОНА!

Марк Изотов:

- А как вы порадовали меня! И меня, и мою дочку! И, по-моему, всех посетителей кафе, не говоря уж о подружках моего ребенка! Она сейчас обложилась вашими игрушками и спит... Это вам спасибо! А мне совершенно не за что!

Барышня:

- Здорово, когда отец так любит свою дочь, так заботится о ней!

Марк Изотов:

- Я думаю, это естественно.

Барышня:

- Да, вы правы... Наверное. Просто я не помню своего отца. Он давно умер, еще когда мы с сестрой были маленькими. Я очень рада, что сделанные моими руками вещи кому-то так понравились! Не думала, что испытаю такие чувства приятные!

Марк Изотов:

- Я бы хотел заплатить за всё остальное, что было в коробке. И за саму коробку тоже. Я знаю, что все эти "мелочи" стоят немало и как бы не больше того, что я перевел вам за игрушки.

Барышня:

- Я не возьму ваших денег. Это от чистого сердца.

Марк Изотов:

- Я обижусь на вас!

Барышня:

- Мы с вами совершенно незнакомы. И никогда не увидимся! Обижайтесь на здоровье!

Улыбающиеся смайлы говорили мне о том, что девушка шутит. И ничего такого особенно веселого написано не было. Но я ловил себя на том, что губы невольно растягиваются в улыбке. Почему-то хотелось поговорить с ней. И это совершенно не важно, что мы абсолютно не знакомы. Даже, наверное, это хорошо - не нужно обрисовывать весь бред, в который превратилась моя жизнь!

Марк Изотов:

- Разрешите вам задать вопрос? Это очень важно для меня.

Не понимал, зачем пишу это, ведь, в принципе, можно было позвонить Олегу или даже сестре, если бы уж так припекло поговорить по душам. Они бы выслушали, посоветовали... Хотя все их советы были мне давно известны. Я даже мог воссоздать наш возможный разговор с каждым из них дословно. Сейчам мне хотелось взгляд со стороны увидеть - услышать мнение постороннего, незаинтересованного человека. Просто она была единственной, с кем в соцсетях я общался не по работе.

Барышня:

-Спрашивайте!

Марк Изотов:

- Хотел спросить: "Что нужно женщине для счастья?" Но, наверное, проще так сформулировать: "Что нужно для счастья человеку? "

Барышня:

- Не уверена, что знаю ответ, но могу предположить, что семья, наверное, дети в первую очередь.

Марк Изотов:

- Тогда так: что нужно женщине ещё, если у нее есть уже и семья, и ребёнок?

Барышня:

-Деньги?

Марк Изотов:

-А если и деньги есть?

Барышня:

-А что это за феномен такой, счастье? Оно есть?

Марк Изотов:

- Ой, только не говорите, что с вами не было такого, чтобы... ну, эйфория, удовольствие от жизни, от всего в ней происходящего, когда все хорошо и, кажется, скоро будет ещё лучше!

Барышня:

- Может, и было, но я этого не помню.

Марк Изотов:

- А что помните?

Она долго не отвечала. Я видел, что печатает, сочиняет что-то, но в итоге после почти получасового ожидания на экране появилась всего одна странная строчка...

Барышня:

-Вам этого лучше не знать.

Она отключилась, а я ещё долго перечитывал наш диалог и понять не мог - чем обидел, что написал не так.

1- Марина Цветаева. Идешь на меня похожий...

6 глава. Катя

Зачем отвечала ему вчера? Зачем переписывалась? Может быть потому, что это был в тот момент для меня не мужчина, не представитель ненавистного мне противоположного пола, а просто человек, выражающий свои мысли, задающий свои вопросы? Я ж не видела его! А на аватарке изображено что-то настолько мелкое, что разобрать черты лица было попросту невозможно.

Укладываясь спать, я почему-то то и дело подходила к компьютеру, словно ждала еще одного сообщения от него. И уже потянувшись рукой к мышке, чтобы выключить, внезапно сделала совсем другое - несколькими щелчками открыла его профиль...

Глаза усталились на фотографию мужчины. Сердце на мгновение замерло, а потом понеслось вскачь, как мячик с горы. Мне казалось, что чужие мужские глаза на фотографии видят меня насквозь, видят все мои страхи, всю мою поднаготную! И меня на части разрывали два противоположных ощущения - страх и желание рассмотреть, увидеть... запомнить. И, наверное, впервые в моей жизни второе пересилило первое.

Из скромных пяти фотографий выбираю портрет. Смуглая или загорелая кожа, чёрные брови вразлет. Глаза карие, яркие, смеющиеся. Аккуратный нос, легкая улыбка, приподнимающая один уголок губ чуть выше другого, короткая стрижка, темные волосы, но не чёрные, скорее коричневые, насыщенного медового оттенка, совсем немного выющиеся, небрежно откиннутые назад. Интересное лицо. Запоминающееся. А самое главное... Самое главное, что лицо это было не страшным! Не отталкивающим, не пугающим, а наоборот, притягательным, таким странно-привлекательным, что я долго не могла оторвать от него взгляд.

"Мне не страшно, потому что он далеко," - убеждала себя. Этот человек находится где-то там, в самом дальнем от меня конце города! Мне ничего не угрожает! Я никогда не встречу с ним. И совершенно нет причины его бояться! Этот мужчина вчера всего лишь спросил мое мнение, как... человека, как... женщины?

Я понять не могла, зачем уселась снова за компьютер! Зачем, вместо того, чтобы отправиться спать, вдруг залезла в чат с Марком Изотовым и начала печатать. Просто его не было онлайн... А когда он там появился, я, увлеченная своими мыслями, быстро формирующимися в текст, не заметила...

- Счастье - это когда соседи и знакомые смотрят на тебя с любопытством потому, что ты - интересный, красивый человек, а не потому, что знают о тебе что-то такое, что тебе самой забыть хочется, то, что они до конца своих дней помнить будут и говорить новым своим знакомым: "Это та, помнишь, о которой я тебе рассказывала вчера! Да-да, бедная..." Счастье - это когда ты не лишняя, не за чертой, не за гранью общих интересов, общества всего... Это когда ты вместе с людьми. Это отсутствие одиночества в общем... Наверное...

И вдруг, перебивая мою следующую мысль, еще не успевшую сформироваться, на экране появилось:

Марк Изотов:

- Это когда тебя понимают, да? Помните, как в фильме "Доживем до понедельника"? Старый такой был когда-то, чёрно-белый ещё...

Барышня:

- И это тоже. Понимают, принимают, без жалости, без подозрения, как равного, как обычного человека.

Марк Изотов:

- А каким по вашему должен быть мужчина в семье?

Хороший вопрос. А главное, задан он человеку, который абсолютно, совершенно ничего в этом не смыслит - ни в мужчинах, ни в семейных отношениях!

Барышня:

- Не знаю. Я никогда не была замужем.

Марк Изотов:

- Правда? Извините за вопрос, но вы, наверное, молоды? Я не хотел бы показаться вам дяденькой, который в сети пристаёт к девочкам. Просто нужен был совет. Очень нужен. И именно женский совет. И, желательно, человека, который ничего о моей семье не знает. Чтобы объективно...

Все можно было прекратить - и общение это непонятное, и странное желание мое читать сообщения от него. Можно было просто написать сейчас, что так, мол, и так - да, я - молодая девушка, и мне неинтересно переписываться с вами.

Барышня:

- Мне тридцать семь. Просто моя жизнь не сложилась. Совсем. Поэтому мои советы - курам на смех...

И вдруг неожиданное.

Марк Изотов:

- Вы любите читать?

Барышня:

- Обожаю.

Марк Изотов:

- Что именно?

Барышня:

- Все - от любовных романов до фантастики, даже Зигмунда Фрейда на досуге...

Марк Изотов:

- Серьезно? Фрейд... это интересно?

Барышня:

- Хм... Ну, не так, как можно подумать... И ответов на свои вопросы пока не нашла.

Марк Изотов:

- А какие вопросы тебя мучают?

Я долго не могла решиться написать правду. Но он сейчас казался мне не совсем реальным человеком - так, картинка на экране, буквы, складывающиеся в слова. И почему-то захотелось поделиться... Почему-то хотелось рассказать ему... Пусть не все, пусть не самое главное, но выплеснуть, выдать из себя, описать что-то из бед, отравляющих мою жизнь. Я даже не заметила, что мы уже перешли на ты...

Барышня:

- Хочу понять, как такого изгоя, как я, вернуть в общество обычных людей?

Написала. Отправила. Потом только стало стыдно и за то, что зачем-то рассказываю об этом чужому человеку, и за то, что я такая - больная, ненормальная, а этот... красивый мужчина теперь об этом знает! И почему только? Почему вдруг стало так важно, что обо мне думает какой-то человек? Почему вдруг захотелось, чтобы он написал что-то ободряющее, что-то хорошее в ответ? Только бы не начал сейчас неискренне убеждать меня в обратном, в том, о чем понятия не имеет, в том, что я - прекрасна, что все мы имеем недостатки...

Марк Изотов:

- Ты уверена, что нужно туда возвращаться? Может быть, свой, особенный мир, лучше? Только близкие люди... А общество, оно, никуда не денется - пусть существует параллельно!

Барышня:

- Мои близкие люди - это старенькая мама и такой же старенький шпиц.

Зачем, вот зачем я это пишу? Чтобы он меня пожалел? И вдруг...

Марк Изотов:

- Давай встретимся?

Минут десять я невидящим взглядом всматривалась в эти два слова. Потом только дошло. Волна ужаса подняла волосы на затылке дыбом, прошла по всему телу, судорогой сведя пальцы на левой руке. И я, выдернув шнур из розетки, выключила компьютер.

7 глава. Катя

Не могу заснуть. Знаю, что нужно расслабиться... Не только тело расслабить, но и мозг тоже - выбросить из головы все мысли, все тревоги, думать только о том, о чем думается, что само, без напряжения, без усилий формируется в голове... А думается о переписке с Марком Изотовым. Я расслабляюсь, выбрасываю из головы все лишние мысли и... ловлю себя на том, что продолжаю "беседовать" с ним! И даже представляю себе его ответы!

"- Зачем нам встречаться?

- Поговорим. Пообщаемся. Как все. Ты же хотела вернуться в социум - вот и будет такая возможность!

- С тобой пообщаемся?

- Ну, а с кем? Со мной, конечно.

- С тобой я не могу.

- Почему это?

- Потому что ты мужчина!"...

... - *Потому что ты - мужчина! - с нажимом, как само собой разумеющееся, сказала Катенька Грише, прижимая к кровоточащей ссадине на щеке мальчика белоснежный носовой платок. - А ревущих мужчин мне в своей долгой жизни видеть пока не приходилось!*

- *Какая же она долгая-то у тебя, барышня? Вот у деда Мирона - долгая, а у тебя - так... У тебя и коса ещё белой не стала!*

Катенька отвлекала мальчика разговором, а сама осторожно уводила его к своему дому. На вид ребенку было лет пять-шесть, а может, и того меньше - грязный, с давно нечесанными вихрами, торчащими в разные стороны из-под старой, рваной шапки, он встретился девушке, когда та возвращалась с учёбы. Мальчик воровал на торгу, куда Катенька с подружкой Варварой по пути из гимназии зашла за петушками.

И ведь понятно, что воровал не от хорошей жизни - вон какой худющий, одна кожа да кости! Тулупчик не по размеру, в заплатках, этого скрыть не мог! Но ведь нехорошо это...

Толстая торговка пирогами и булками грозилась в другой раз, как увидит его, сразу жан-дармов позвать! А он так быстро убежал, так ловко уворачивался от множества ловящих рук, так петлял по торговым рядам, что напомнил Катеньке зайца, из последних сил удирающего от гончих! И смешно было - не поймали ведь, и горько - если поймали бы, никто бы не посмотрел, что он совсем ещё мальш, наказали бы жестоко.

А нашла она мальчика случайно. Расставшись с Варенькой у её дома, пошла дальше вдоль по мостовой, скрипя подошвами новеньких сапожек по слепящему глаза, искрящемуся в лучах солнца, снегу. Он выскочил из подворотни и врезался в неё сбоку. Оба упали в сугроб.

Со двора с палкой наперевес бежал старичок, махал своим оружием и ругался. Катенька быстро догадалась, что, видимо, и здесь мальчишка успел набедокурить! Споро подхватила с земли и, запихнув его к себе за спину, собралась давать отпор обидчику, да только делать этого не пришлось - старичок то ли плохо видел и попросту не заметил мальчика, то ли решил не связываться с приличной барышней - выкрикнув напоследок: "Ну, я тебе покажу!", махнул ещё раз палкой и повернул обратно.

Катенька не стала сразу расспрашивать, что еще успел натворить мальчик, и даже не подала вида, что видела его недавно на торгу.

- Как тебя зовут? - спросила, как можно ласковее.

- Гринька! - ответил мальчик, настороженно поглядывая на неё.

- Пойдешь ко мне в гости? Я тебя петушком угощу!

Он боялся. И в гости точно не хотел. Но петушок, вытащенный из кармана и показанный мальчику, легко сумел перебороть страх. Растирая кровь по щеке Катенькиным платочком, Гриша ответил:

- А батька твой меня не поколотит?

- А у меня дома только старенькая нянечка да кухарка. Они добрые. А большие никого. Маменька с папенькой к брату в гости уехали в Борщень. Знаешь, где это?

- Где? - любопытные глазенки уставились на девицу.

- Ну, деревня далеко от города! Теперь хоть бы к балу успели вернуться. У моего старшего брата, он там, в Борщени, с семьей в имении живет, вчера сын родился - вот родители на крестины-то и отправились!

Так за разговорами, отвечая, почему её не взяли в Борщень, на каких конях поскакали, да чем угощают на крестинах, они пришли к дому...

...Вечером после работы, наскоро поужинав и погладив выстиранную вчера куртку, я вместе с Джонни сходила в продуктовый за молоком и яблоками, а потом, занеся продукты домой, решила отправиться в парк - собаке прогулки в магазин было явно недостаточно. Раньше, когда Джонни был помоложе, такой тяги к пешим прогулкам за ним не наблюдалось, а пару лет назад вдруг взял, да и полюбил! И я привыкла каждый вечер подолгу ходить, благодаря чему, наверное, сильно похудела в последнее время.

Мы уже возвращались домой - лето заканчивалось, и в девять вечера начинало темнеть. Чуть в стороне от сидящих на скамейках пенсионеров снова в одиночестве гулял мой новый друг - Гриша Мерцалов.

- Привет, Джонни! Привет, Катя! - мальчик радостно бросился навстречу. Нет, ну, это, на самом деле, странно - ребенок который вечер сам по себе, одинокий! За ним никто не присматривает, никто не покрикивает с балкона, проверяя, на месте ли он, не пропал, не исчез ли, - так делала в нашем с Аленкой детстве мама.

- Привет, Гриша! - улыбнулась я.

Мальчик стойко выдержал мой трехдневный негатив, явно показанный при знакомстве, и сумел расположить к себе любопытством своим, жизнерадостностью и искренним взглядом, который как бы говорил без слов: "Хоть ты не гони меня! Поговори! Послушай!" Я знала отчего так бывает, как такой взгляд появляется у человека... От одиночества. Когда люди вокруг имеются, и ты окружен заботой, да только нет того человека, кому искренне интересно, что ты думаешь, что видел по пути домой, что смотрел по телевизору, что ел, в конце концов, на завтрак! Это такое необычное одиночество, когда ты и не один вроде бы формально, но на деле - никому не нужен, неинтересен...

Мне тоже всегда было одиноко. Мама в силу возраста говорила на строго ограниченные темы - Милочка с Аленой, болячки, сериал любимый и новости от нескольких подружек, с которыми общалась на лавке у подъезда или во времена сезонных обострений, когда "проклятый радикулит" не позволял выходить из дому - по телефону.

На работе в архиве мы, конечно, дружили с девочками и любили поговорить. Но городок у нас небольшой, а значит, невелик размерами и наш архив. Пять сотрудников были рассредоточены по огромному зданию, заполненному стеллажами с документами, подшивками, папками, стопками... А работы было море! Мы и виделись-то утром-вечером, да на обеде, когда в специальной маленькой комнатке накрывали маленький столик, питаясь не каждый своим, принесенным из дому, а все вместе, как бы вскладчину, щедро выставляя незамысловатые повседневные блюда.

Алену теперь, после рождения Милы, я видела достаточно редко - и это понятно, у сестры была семья, любимый муж, дочка. А вечерние короткие разговоры с нею часто прерывались плачем ребенка или важным вопросом от Ивана...

Вот, пожалуй, и весь мой круг общения... Ну, разве еще с соседками иногда остановлюсь возле дома, да к старушке-коллеге, давно вышедшей на пенсию, заеду накануне праздника.

Мы с Гришей были родственными душами. Поэтому, наверное, так сразу потянулись друг к другу. Вот уже который вечер встречались возле подъезда и, отыскав свободную лавочку или просто отойдя подальше от любопытных взглядов пожилых соседей, болтали, играли с Джонни, смотрели ролики в его телефоне.

- Кать, а можно я завтра с вами в парк схожу? Во сколько вы выходите? - в нашем доме были дети, но как-то так получилось, что подходящих Грише по возрасту не оказалось - две девчонки постарше, парень-студент и малышня детсадовского возраста. А далеко уходить, к соседнему дому например, он явно не решался - видимо, родители не позволяли.

- Можно. Только у мамы разрешения спроси! Скажи, что я обещаю за тобой приглядеть!..

8 глава. Марк

- Лёнька, что там у нас? Чего подняли ни свет ни заря?

Звонок помощника, хорошего исполнительного парня, специализирующегося в нашей команде на слежке и всевозможном техническом оснащении, Леонида Трофимова, в шесть утра был неожиданным - обычно все наши дела могли подождать хотя бы до восьми. Частная детективная контора - дело такое, это вам не государственная круглосуточная служба - можно не бояться опоздать на работу. Правда, и окончания смен на было - порой без сна, без еды, в постоянных разъездах проходили не дни - недели!

- Товарищ майор, - по уставному, как пять лет назад, отчеканил Трофимов. - У нас ЧП. Пропал ребенок.

Сон исчез моментально - в такой ситуации порой счёт идет на минуты. А тот факт, что обратились именно к нам, означать мог следующее - либо полиция ничего сделать уже не может, либо имеются какие-то подозрения на тот счёт, куда делся пропавший, и тогда полиция может не то, что не помочь, а даже спугнуть возможного похитителя!

Я заметался по комнате, вытаскивая из шкафа смену чистого, правда, неглаженного белья - жена уже давно подобными проявлениями заботы себя не утруждала.

- Через полчаса буду. Собирай всех. Позвони в отдел, если родственники туда уже обращались. Если нет, все равно звони, обрисуй ситуацию... Впрочем, сам знаешь...

Отключился, вспомнив что мы не на службе и вовсе не обязательно, как старшему по званию, раздавать приказания сейчас. В нашей команде все всё знают и без слов.

...- Привет, дорогой! - Ольга с улыбкой шагнула навстречу, поцеловала в небритую щеку, прижалась на секунду сбоку, окутав, как в кокон, в аромат своих духов. - Рубаха мятая, небритый... Не завтракал, наверное? Сейчас кофейку сделаю с блинчиками - вчера своим пекла! И рубаху сними - поглажу! Нехорошо руководителю, и та-акому мужику красивому вот так ходить...

- Не успел с утра... А с вечера не подумал... Олька, уходи от своего Димки ко мне! На руках носить буду!

Потянувшись к пуговицам, начал быстро расстегивать - знал, что к месту сможем выехать только через полчаса, Олег с Тимуром опаздывали. Они жили дальше всех, на окраине.

- Ох, не соблазняй! Куда ты от своей гримзы? А я от своего выводка? Слу-ушай, как Маринкин день рождения прошёл? Я тут ей футболочку купила, сейчас принесу, - взяв рубаху, наш собственный эксперт-криминалист, Ольга Иванова, ушла в свой кабинет, перед дверью почему-то остановилась, словно что-то добавить хотела, но потом передумала и, качнув головой, скрылась из комнаты.

Та-ак, что тут у нас по мальчику? На столе лежало заявление от матери, набранное на компьютере - Лёнька уже успел, молодец, фотография ребенка и набросанное от руки описание - возраст, рост, имя, некоторые данные о родственниках. Вгляделся в лицо, запоминая, фиксируя в памяти детские черты, пробежал глазами скупые строчки - первый класс закончил, семь лет, бабушка в другом городе, здесь родственников нет, отчим, родной отец... сидит? Та-ак, за что сидит? Не указано? Эх, Лёнька-Лёнька, ты ж не пацан какой-нибудь, не первый год в нашем деле!

- Трофимов! - прокричал, не вставая из-за стола - знал, услышит или он или Альбина, молоденькая девчонка-администратор, закончившая недавно юридический.

По опущенным в пол глазам Леонида было понятно сразу, что о своем проколе он уже знает.

- Извини, товарищ майор, так получилось...

Ну, если уж "товарищ майор", а не просто Марк, как было принято у нас, то дело совсем плохо.

- В полицию..., - начал я.

- Да, запрос сделал на его отца. В течение часа Перекальский обещал прислать.

- Почему не узнал у матери, за что он сидит? - я искренне этого не понимал - забыть Трофимов не мог однозначно.

- Марк, сейчас увидишь ее и поймешь сам...

- Да что там с мамашей-то не так?

- Там такая сука, что забываешь, как дышать, от страха.

Через час мы с Олегом сидели в просторной квартире с окнами, выходящими на городской парк, свежестроенной, обставленной новенькой недешевой мебелью. Олег допрашивал, я внимательно осматривался, то и дело с интересом перебегая глазами с хозяйки на ее мужа. Вот именно так хотелось их называть. Она - "хозяйка", а он - всего лишь "муж"! Причем без права голоса и возможности самостоятельно принимать решения. Отвечает на вопросы Якунина только с ее разрешающего кивка, смотрит глазами, полными обожания.

Объективно сказать, причина тому есть. Мерцалова Анна Сергеевна - женщина потрясающей красоты, утонченная, ухоженная, одетая так, словно собралась на парад, с макияжем... в такой-то ситуации, кажущемся просто абсурдным, неуместным, вызывающим даже, хотя мейк-ап аккуратен и в меру! Он - полная противоположность, серенький, невзрачный, шупленький, с лысиной в полголовы. Странная пара. Ну, не пара совершенно!

- Давайте уточним еще раз, - напирал Олег. - Когда в последний раз вы видели сына?

- Сколько можно задавать один и тот же вопрос? - возмущалась она, гневно сверкая яркими синими глазами. - Я уже и вам, и вашему... этому, как там его, говорила. Вчера я забирала его из школы.

- Нашему сотруднику, Леониду Трофимову, вы говорили, что видели в последний раз сына вечером, когда укладывали спать, - спокойно уточнил Якунин.

Путаясь "в показаниях", она совершенно не тушевалась, словно не для нее сейчас было жизненно необходимо точно рассказать об обстоятельствах, предшествовавших исчезновению ребенка, словно это мы пришли ее допрашивать, а не она сама нас позвала!

- Не помню, что я там вашему странному "сотруднику" говорила - я в шоке была! Неужели вы не понимаете? У меня ребенок пропал!

- Вы уверены, что он пропал вечером? - выдержке Олега я сейчас мог только позавидовать, он говорил всё тем же ровным голосом.

- Да. Не ночью же?

- У него в этом городе есть друзья? Родственники? Кто-то, к кому мог пойти ребенок?

- Нет. Никого нет. Вы что, думаете, что он мог сам уйти из дому? Вы в своём уме вообще? Ему всего семь лет!

Мне дико захотелось встать с мягкого, удобного кресла, шагнуть к этой бабе и, схватив за плечи, встряхнуть ее, да так, чтобы зубы клацнули, чтобы спесь с нее слетела вмиг! Что за бред такой, сука, - каждое слово из нее клещами вытягивать приходится! Да ещё и недовольна она! Наши вопросы, вполне объяснимые и адекватные, ей неправильными, видите ли, кажутся! Неужели не понимает, что ее ребенка сейчас какой-нибудь маньяк убивать может? Неужели не понимает, что нужно торопиться и в ее интересах быстро, четко и, как можно более полно описать все, что касается мальчика?

Но Олег спрашивал. Она, пусть и окольными путями, отвечала. Я думал. Нужно было успокоиться, нельзя так выходить из себя, тем более из-за клиентов. Но эта тупая баба просто выводила меня из себя! Я вообще в последнее время стал женоненавистником - Инну убить готов... а ведь когда-то любил. Взгляд скользил по новым обоям, шторам, в окно...

Там, на небольшой площадке перед домом Лёнька с Тимуром опрашивали соседей - беседовали со старичком в черном, чем-то напоминающем женский, берет и с тростью в руке. На скамье возле них сидела старушка, чем-то неуловимо похожая на этого старичка - сестра, что ли? Старик рассказывал, старушка согласно кивал. Я видел, как Лёнька отвлекся - посмотрел куда-то в сторону. И я посмотрел вслед за ним. От парка по узкой тротуарной дорожке шла девушка с собачкой, похожей на одуванчик на тонких лапках. Лёнька что-то сказал ей. Девушка испуганно шарахнулась от него, инстинктивно дергая поводок, собака начала оглушительно лаять - это было слышно даже через стекло, даже на втором этаже! Старушка стала яростно креститься. Старик пал на скамейку, стягивая с головы берёт и вытирая им лицо. Тимур схватился рукой за сердце. Я, забыв, где нахожусь, улыбался - милый одуванчик чуть не довел до инфаркта пятерых людей! И, в первую очередь, похоже, свою хозяйку - девушка только испуганно покачала из стороны в сторону головой и явно не смогла ни на один вопрос Трофимова, всё время что-то говорящего, ответить.

...Я зависаю, разглядывая ее. Красивая девушка. Невысокая, стройная. Одета в спортивный костюм, но при этом выглядящая так изящно, словно на ней красивое платье, словно она в королевском наряде, словно не в кроссовках, а на каблуках - плечики развернуты, подбородок приподнят. Волосы... С моего места хорошо видно, как лучи утреннего августовского солнца горят в ярких, каштановых, с рыжим отливом, пушистых волосах чуть ниже плеч. Они небрежно перекинуты на одно плечо. Эх, не понимаю, зачем такую красоту так варварски обстригать? Никогда не понимал стремления к коротким стрижкам у современных девушек - всегда был неравнодушен к длинноволосым...

Что-то настораживало в ней. Только что? Взгляд, опущенный в землю? Явный страх перед моими ребятами? Нежелание отвечать на вопросы - бросив пару слов Трофимову в ответ, девушка развернулась к подъезду и ушла...

9 глава. Катя

Утром смутно помнилось что-то невероятно сказочное, необычное... Медового цвета петушок на гладко струганной длинной палочке, детский смех, запах безумно вкусных щей, которыми, вроде бы, я сама кого-то угощала, да еще, пожалуй, желание вернуться туда, в зимний вечер, где я была кому-то нужна... Только кому? И зачем?

Ночной сон быстро забылся, рассеялся с темнотой вместе. Зато оставил после себя какое-то волнение, предчувствие необычное, странное.

В это утро мальчика на площадке не было. Три дня подряд до этого был. А теперь вот не было. Странно! Очень странно, ведь именно на сегодня мы с ним договаривались вместе выгулять в парке Джонни. Вчера я его с собой не взяла - Гришина мама без спросу не разрешала уходить далеко от дома, а спроситься у неё было почему-то никак нельзя.

Выгуляв Джонни, я спешила домой - нужно было собираться на работу в последний перед отпуском день. Возле столика со скамейками, где вечерами любили сидеть пожилые жители нашего дома, со стариками Голубевыми разговаривали двое чужих мужчин. Стараясь остаться незамеченной, я ускорила шаг. Но, когда проходила мимо, один из них вдруг позвал:

- Девушка!

От страха я даже не поняла, что он от меня хочет, дернулась в сторону. Джонни разразился оглушительным лаем. А я, с трудом выдавив из себя что-то вроде: "Простите, я очень спешу", скрылась в подъезде.

Быстро собравшись на работу, выглянула в окно, чтобы убедиться в том, что эти мужчины ушли со двора. Поняла, что уже можно - путь свободен, двор абсолютно чист. Обулась, взяла сумочку и... успела только шагнуть в сторону входной двери - раздался звонок.

В спальне заворчала мама:

- Катя, кого там принесло в такую рань?

Мама знала, что чужому человеку я ни за что не открою дверь - просто не смогу. Поэтому начала одеваться. С её радикулитом сделать это быстро было невозможно. Кто-то за дверью позвонил снова. На цыпочках, словно мои шаги можно было слышать снаружи, я прокрадась к двери и заглянула в глазок.

Я сразу узнала. Неважно, что маленькая линза глазка искажала. Это был Марк Изотов! За моей дверью... В моем доме! Зачем? Для чего? Он меня искал? Он же предлагал встретиться! Он меня нашел?

Самый страшный кошмар, который только мог мне присниться, сейчас воплотился в жизнь - я понадобилась мужчине! Что он хочет от меня?

Ни за что бы не открыла. Но мама... Она-то не знала! А я дар речи потеряла - сказать ей что-либо просто не смогла.

Дверь распахнулась. И я, как в замедленной съёмке, наблюдала за тем, как Марк Изотов улыбается, как говорит что-то, чего я, оглушенная шквалом эмоций, просто не слышу! И смотрит на маму... потом на меня... С интересом, но явно без узнавания! Он меня не узнает? Или... Что это значит? Я изо всех сил постаралась взять себя в руки, заглушить чувство страха и паники, охватившее меня, и вслушаться в диалог, который у мамы и Марка уже завязался.

- Да что вы говорите? Да как же так! - удрученно качала головой мама. - Да он же совсем ещё малыш... Был!

- Почему вы решили, что именно "был"? - тут же спросил Марк. - Мы уверены, мальчик найдется! Раз вы его знали, то помогите нам, расскажите обо всем, что помните!

Мальчик... Чужие люди во дворе... Расспрашивают... Гриша не пришёл сегодня... У Гриши явные проблемы в семье... Мама странная... Пазл в моей голове сложился и, запихнув свои страхи поглубже, я заговорила с мужчиной. Сама!

- Я общалась с мальчиком вчера вечером.

Мне хотелось спрятаться за дверь, закрыть лицо руками, сбежать или хотя бы сделать пару шагов назад, увеличивая расстояние между нами. Но я стояла рядом с ним и даже... Даже медленно, но уверенно смогла поднять взгляд вверх и посмотреть в его глаза!

Я давно не смотрела людям в глаза. Да. Не могла. Понимала, что из-за этого некоторые, особенно редкие новые знакомые могут плохо думать обо мне. И тот факт, что я не находила в себе сил выдержать чужой взгляд, был неприятен самой, словно преграда какая-то существовала между мною и остальными, словно я недостойна... но не могла. Просто не находила в себе сил.

А тут вдруг смотрю в глаза! Да еще мужчине. Но просто Гриша пропал... Просто это был знакомый-незнакомый человек, который очень любит свою дочь и считает красивыми мои игрушки. Просто помимо обычной неприязни и страха, именно к Марку Изотову я испытывала еще и нечто похожее на расположение.

И какие же у него были глаза! К своему стыду я забыла о Грише. Я потерялась. Я выпала из действительности. Утонула, забылась... Даже комнату, привычные предметы и мамино удивленное лицо, перестала замечать, словно размылось все вокруг, словно отошло на второй план. Ни страха, ни боли, ни прошлого - все исчезло, растаяло, растворилось... в темно-карем, почти черном, омуте его глаз.

И мыслей в голове никаких, только сердце от страха барабанную дробь в груди выстукивает, да ногти до боли впиваются в ладони.

- Мы можем с вами поговорить? - спрашивает он мягко, словно с ребенком разговаривает, и взгляд не отводит, только ресницами на секунду глаза прикрывает. И мне бы, воспользовавшись секундной передышкой, оторваться от его взгляда, спрятаться в свою раковинку, а лучше всего, сбежать в свою комнату и запереть дверь, но я вдруг замечаю, какие у него ресницы - чёрные, длинные, изогнутые... И искренне удивляюсь - разве такие бывают у мужчины? И разглядываю его дальше. И отвечаю, не задумываясь над тем, что говорю. Отвечаю одновременно с мамой.

Я:

- Да, можем.

Мама:

- Нет, Катя не может.

Я ахаю - дошло, наконец, что делаю! Накрыло пониманием - я сама чуть не впустила его к себе! Нельзя! Ни в коем случае нельзя! Мама теряет дар речи. Последний взгляд, брошенный на Марка, прежде чем я скрылась в своей комнате, успевает впихнуть в мою память его удивленный вид и бровь, чуть изогнувшуюся в немом вопросе.

10 глава. Марк

Десять минут я общаюсь в маленькой, напоминающей оранжерею или джунгли тропические, кухне с Натальей Аркадьевной и понимаю уже, что эта женщина толком ничего о мальчике и его семье не знает. А то, что знает, уже нам с Олегом известно. А вот Катя (я услышал и запомнил, как её зовут) помочь могла бы. И я почти готов был спросить у её матери, чем напугал, почему она так неожиданно скрылась в своей комнате. Но не успел.

Она пришла сама. Нерешительно, словно была гостьей, а не хозяйкой, в этом доме, замерла в дверном проеме. Несмело, будто ища поддержки, посмотрела на свою мать. Наталья Аркадьевна снова казалась мне удивленной, будто впервые видит свою дочь! Странные какие-то женщины. Загадочные. Непонятные.

Но тем меня и зацепившие... Ну, конечно, если по-честному, то зацепила только Катя. Вблизи она была ещё привлекательнее, чем из окна квартиры Мерцаловых. Волосы оказались рыжими - яркого, насыщенного цвета. "Сколько ей лет?" - думалось отчего-то. - "Ну, не двадцать пять уже, но и точно не сорок". Я так навскидку определить не мог - ни седины, ни морщин заметно не было. Светлая кожа, как у всех рыжих, зелёные глаза - пугливые, нерешительные... Только взгляд странный - словно боится меня, словно пересиливает себя, чтобы смотреть. Но всё-таки смотрит. И странно так смотрит - с неподдельным интересом, изучающе, словно и хочет смотреть, и не хочет одновременно...

- Я думаю, вдруг поможет в поисках то, что Гриша мне рассказывал, - робко произносит она, не сходя с места и опустив глаза в пол.

- Нам сейчас каждая мелочь важна, - говорю несомненное, обычное в таких случаях, а сам почему-то взгляд от неё оторвать не могу. И думаю о том, как в одном человеке сочетаться может такая яркая, такая вызывающе красивая внешность и робость, неуверенность в себе? Современные женщины, хоть мою Инну взять, цену себе знают и умеют пользоваться своими плюсами. Нет, Изотов, не зависай на ней снова! Ты что, бабы не видел? Как дикарь в самом деле!

Но уговоры не помогали - я снова смотрел, снова любовался изгибом губ, тем, как соблазнительно они двигаются, когда она говорит, как в глубине её рта виднеется кончик розового язычка...

- ... тоже рассказывать? - вопросительные нотки в её голосе привели в чувство. И я, словно вынырнул из толщи воды - очнулся, вдохнул глубоко, вдруг поняв, что, оказывается, не дыша смотрел в её рот! Сука! Что со мной? Ну это же обычная женщина! А я ни слова не слышал! Только голос ее отпечатался в сознании, а что она там говорила...

- Вы меня извините, я задумался, - с ужасом подумал, что и дальше сосредоточиться не смогу, а ведь, вполне возможно, Катя была последней, кто видел мальчика, значит, допросить её нужно как можно внимательнее. - Разрешите, я позову сюда своего помощника?

- Нет! - категорично и в один голос выкрикнули они обе. Я удивился, но расспрашивать, почему нельзя, конечно не стал.

- Хорошо. Ладно. Тогда давайте по порядку, - сказал и достал из кармана блокнот и ручку, указал Кате на стул возле Натальи Аркадьевны, справедливо полагая, что рядом со мною она ни за что не сядет.

- Дня два назад он рассказывал, что убежит из дома, потому что мама его не любит. Он говорил, что поедет искать отца. Но мне тогда казалось, что Гриша просто поругался с матерью, поэтому и сказал так. Я пыталась объяснить мальчику, что ссоры у всех бывают, что в детстве я тоже с мамой часто ругалась. В общем, старалась успокоить его. И мне показалось, что он согласился с моими доводами.

- Что он рассказывал об отце? - быстрый взгляд на меня и она вновь пряталась за веером из темных ресниц, отгораживалась и отвечала так, словно сама с собой беседу вела.

- Отец его родной где-то далеко живет. Вроде бы в Сибири...

- Отец его сидит в тюрьме. Срок немаленький. Мерцалов Святослав Игоревич, - Ленка уже успел получить инфу от Перекальского до выезда сюда, поэтому о родном отце мальчишки я был хорошо осведомлен. - Уехать к нему мальчик никак не мог бы. Мать Мерцалова живет в Краснодаре с семьёй младшего сына, Гришиного дяди. Как думаете, Гриша мог бы в такую даль один отправиться? Вообще, раз вы с ним общались, как считаете, мальчик был склонен к побегу из дома? Для нас сейчас очень важно понять, он сам ушел или его кто-то увел, выкрал?

В поднятых на меня зеленых глазах плескался такой ужас, что мне казалось, Катя сейчас просто упадет в обморок или начнет биться в истерике. Глаза стали огромными, зрачки расширились, заполняя радужку. Руки, сложенные на коленях, сжались в кулаки так сильно, что костяшки пальцев побелели. В моей голове промелькнула странная мысль - взять за руку, успокоить, сказать, что, вполне возможно, последнее мое предположение не соответствует действительности.

Но версии нужно было отработать все. Да и, собственно говоря, когда было такое, чтобы мы успокаивали свидетелей? Бред же? Бред! И с чего бы я должен брать за руку чужого, мало-знакомому человека?

Сосредоточился. Заговорил максимально спокойно, максимально доверительно и тщательно подбирая слова:

- Вполне вероятно, мальчик находится у кого-то из друзей. И вернется сам. Но, раз уж его мать обратилась к нам, мы обязаны отработать все версии...

11 глава. Катя

Я хотела рассказать ему о том, что Барышня и Катя Семенова одно и то же лицо. И должна была. И так было бы возможно что-то узнать о ходе поисков Гриши - уже под своим настоящим именем просто написать Марку Изотову в соцсетях. И если бы я призналась сразу, то можно было бы запросто объяснить и себе, и ему, зачем я ему написала! Но я не призналась. И поэтому совершенно не понимала, что заставило меня это сделать.

Однако, когда в полдвенадцатого ночи Марк появился в интернете, я, до этого честно искавшая в сети образец юбочки для новой куклы, и только иногда украдкой проверявшая страничку, тут же написала:

- Доброй ночи, Марк! - и отправила, не сумев придумать, что же такого спросить у него, о чем рассказать.

Да и вообще не понимала, зачем пишу! Хотя нет, понимала. Он же не знает, что я - это я? Точнее, он не знает, что Барышня - это я, Катя Семёнова! А значит, я могу притвориться обычным человеком! Могу обмануть... обмануться! И пообщаться с мужчиной.

Столько лет я жила и не хотела иметь ничего общего ни с одним представителем противоположного пола. Столько лет искренне верила в то, что среди них нет хороших людей, что в глубине души даже самого прекрасного семьянина живёт похотливый монстр, способный изнасиловать, унижить только потому, что сильнее, только потому, что так хочет.

Что заставило меня передумать? Ничего. Я продолжала так считать. Но... Он понравился мне. Да, я больна. Да, я психически не совсем нормальна. Но я вовсе не дура. И нет никакого смысла врать себе самой.

Закрой глаза Катя... Закрой. Что ты видишь? Что видишь ты спустя целый день? Прожив целый день с того момента, когда Марк Изотов вошёл в твой дом и ты разговаривала с ним? Ты видишь красивое лицо, умный, проницательный взгляд. Глаза его видишь?

- Вижу.

В такие глаза можно смотреть вечно. Кроме мамы, кроме Алены, кроме пары коллег по работе и давней подружки - старенькой Евдокии Петровны, которая когда-то была начальницей в архиве, а потом, выйдя на пенсию, частенько приглашала тебя на чай, в чьи глаза ты, Катя, могла смотреть? До сегодняшнего дня ни в чьи. Но ни у мамы, ни у Алены, ни у, тем более, Евдокии Петровны, не было таких потрясающих глаз, как у Марка Изотова...

Марк Изотов:

- Милая Барышня, добрый вечер! Я очень рад, что ты мне написала. Пообщаемся? Ответишь на один вопрос?

Барышня:

- Да. Да.

Марк Изотов:

- Ты безумно красноречива!

Сделав над собой усилие, я тоже перешла на ты. А что, он же далеко? Он же меня не видит! Он даже не знает, кто я!

Барышня:

- Даже не представляешь, насколько... Шучу. На самом деле, я нелюдима, молчалива сверх меры и жуткая злока.

Марк Изотов:

- А еще ты здорово умеешь врать. Игрушки для детей описанный тобой монстр вязать просто не смог бы! Ты - милая барышня, скромная, добрая, красивая... Расскажи мне, какая ты, только честно!

Барышня: - Я никакая. Меня нет. Марк Изотов: - А я тебя вижу! Ответить я не смогла - меня охватила паника! ОН МЕНЯ ВИДИТ! Он подглядывает за мной! Следит! Я заметалась по комнате, судорожно ища место, куда бы было можно забиться, подобно раненому зверю - спрятаться, укрыться от его глаз! Звук входящего сообщения заставил чуть ли не ползком добраться до экрана компьютера и прочесть:

Марк Изотов: - Вижу в том смысле, что очень хорошо себе представляю!

Больная, ненормальная дура! Ну, конечно, он не может видеть тебя сейчас! Хотя бы потому, что он за компьютером сидит у себя дома. Продышавшись и успокоив сошедшее с ума сердце, я написала ответ.

Барышня:

- И какой же ты меня представляешь?

Ответ пришёл очень быстро. И снова чуть не довёл меня до инфаркта.

Марк Изотов:

- Невысокая. Стройная. Волосы длинные рыжие. Глаза зелёные. Веснушки на носу....

Он догадался, кто я? Как? Я ведь не могла выдать себя! Но, кроме длины волос, все подходит! Придумать, что написать в ответ, я не смогла. Он успел первым.

Марк Изотов:

- Не угадал, наверное. Смешно, но с сегодняшнего дня мой идеал женщины выглядит именно так!

Я была сбита с толку. Что все это значит? Как это понять? Он сейчас говорит, то есть пишет о том, что я, Катя Семёнова, ему... понравилась?

Барышня:

- Странный какой-то у тебя идеал получился! А где же в списке длинные ноги, большая грудь, белоснежная кожа?

Я написала, отправила, ужаснулась тому, ЧТО именно написала, но, гипнотизируя экран, с нетерпением ждала ответа.

Марк Изотов:

- Это было бы слишком скучно. Признавайся, похожа? Или ты другая?

Барышня:

- Ладно, не буду тебя мучить. Сейчас пришлю фото.

Довольно хихикая, я нашла в интернете фотографию упитанной тетеньки лет этак пятидесяти пяти и отправила ему.

Пять минут... Пять долгих минут, пока я смеялась, представляя его лицо, он ничего не писал в ответ.

Марк Изотов:

- Красивая. Особенно тебе идет эта восхитительная бородавка над верхней губой!

Какая такая бородавка? Нет, у меня... А, ну да, Что-то такое есть на фотке. Я хохотала. До слез. И остановиться не могла.

- Катюш, - в комнату заглянула мама, напугав до полусмерти. - У тебя все в порядке?

- Мам, ты меня напугала! Нормально все! Просто... я анекдоты читаю.

Краем глаза я заметила, как недоверчиво и удивленно покачала головой мама, но, когда она ушла, была рада - можно было продолжать!

Барышня:

- Вот объясни мне, почему женатый мужчина, имеющий дочь, по ночам переписывается в соцсетях со всякими барышнями?

Марк Изотов:

- Коварная женщина! Расслабила, развеселила, а потом... бац! И убила одним вопросом. Ты не поверишь, если я напишу правду. Не хочу выглядеть лжецом в твоих глазах. Это я по

поводу жены сейчас... Но вообще, я - хозяин детективного агентства и в соцсетях работаю. Ищу информацию. И общаюсь вот так, не по работе, только с тобой.

- Значит, я единственная? - зачем, зачем я это пишу? Провоцирую, заигрываю, делаю то, что мне не свойственно, чуждо даже! И получаю такое удовольствие от этого, какого никогда не ощущала! Я ведь с мужчиной сейчас общаюсь! Что же Я делаю, Господи? Но он далеко ведь? Мне же ничего, совершенно ничего, не угрожает!

Он долго не отвечал. Просидев перед экраном компьютера полчаса, не меньше, я с тяжелым разочарованным вздохом собралась идти спать. И тогда пришло сообщение. Целое письмо. О том, что они с женой - чужие друг другу люди. О том, что она, совершенно не стесняясь, приводит своих любовников под его крышу, о том, что он терпит всё это потому, что любит дочь. И что девочка ему не родная, что не успел, не додумался вовремя ее удочерить, а теперь вот никак не может выгнать бывшую жену - вместе с нею уйдет ребенок. О странной компании жены-поэтессы, о вечных гулянках, обернутых в блестящую шелуху творческих вечеров, о притонах, в которые превращаются эти вечера к утру... О своем одиночестве. Об этом больше всего. О том, что к сорока годам хочется простого семейного тепла, хочется, чтобы ждали, чтобы переживали и звонили из дому, если задержался на работе, хочется женской нежности - не сиюминутной, отдаваемой ради мгновений страсти, а сладкого трепета настоящих чувств, нежелания расставаться и радостных поцелуев при встрече. Чтобы у порога, при возвращении домой встречали, бросаясь на шею. Чтобы ревновала, хоть он повода и не давал. И он бы любил. И был бы верен. И никогда не посмел бы обидеть. И в конце, наверное, перечитав и разочаровавшись в себе самом, Марк добавил: "Вот такой я. Не герой, в общем и целом".

О том, что Марк Изотов может врать, я ни на секунду не подумала, даже мысль такая не закралась в голову. Другое ошеломило, почву из-под ног выбило... Я как-то привыкла думать о мужчинах как о маньяках, как о насильниках, практически повально склонных к жестокости и агрессии. Я не знала... Я не задумывалась, что бывают другие мужчины.

А когда от одиночества и тоски сжималось сердце, я думала о ненависти к ним, черствым и бездушным, одинаковым в своей природе, ну, а о о том, что и среди них есть ЛЮДИ, даже мысли не допускала!

12 глава. Катя

- Барышня! - тоненький голосок под Катиным окошком слышался в тот момент, когда, разбуженная стуком в стекло, она приоткрыла форточку, забравшись коленями на узкий подоконник.

- Чего тебе, Гринька? - сегодня ей было не до мальчика. Сегодня вечером Катя ехала на бал! И мысли о Мишеньке Васнецове, о танцах, о приближающемся счастье, всю ночь мучили бессонницей...

...Я никогда не спала днем, а уж вечером так тем более. Проснулась и резко села на диванчике у телевизора. Я помнила! Помнила сон! И Гриньку! И Катю... то есть себя в образе молодой девушки! И то, как кормила мальчишку в темном чулане большого дома со старинной мебелью и скрипящими половицами - моего дома, богатого, красивого; дома, в который нельзя было открыто привести мальчика-оборвыша с улицы.

И его рассказ. О том, что это - последняя наша встреча, что отец отдал его в услужение к помещику Радулову, которого мальчик страшно боится, и о котором ходят страшные слухи, якобы он в полнолуние пьет кровь маленьких детей. И его, Гринькину, кровь скоро выпьет!

Я проснулась и села, ошарашенная мыслью. Гринька-Гриша - это же как будто о соседском мальчике сон! И фамилия Радулов в памяти отложились, засела крепко, словно я твердо знала, что она обязательно пригодится.

Третий день в отпуске тянулся долго. Я вязала, готовила, снова вязала. Я обходила стороной компьютер, к которому тянуло словно магнитом. Мысли крутились возле одной фразы: "Вдруг ОН что-то написал мне?"

И да, конечно, я пыталась себя убедить в том, что общаюсь с Марком Изотовым исключительно с целью иметь возможность узнать от него, как идут поиски Гриши. Но... решиться и написать ему что Барышня-вещальщица и Катя Семенова - одно лицо, никак не могла, а значит, спросить его о Грише - тоже.

Уже который вечер ровно в половину двенадцатого он появлялся в сети. И я, конечно, больше первой не писала ему! Он писал сам. Рассказывал истории, когда-то происходившие на работе, шутил, задавал вопросы, иногда казавшиеся мне странными, отвечал на мои, присылал смешные картинки... Мне казалось, я знаю Марка Изотова всю жизнь, и вместе с тем ощущение чего-то нового, чего-то будоражащего мысли и душу, не покидало, заставляло жить в предчувствии, в волнении. Я не могла понять, нравится ли мне это состояние или оно меня пугает, но оно делало мою жизнь другой, оно заставляло меня ощущать себя живой! И, как я ни уговаривала себя прекратить это общение, решиться на это никак не могла.

Он был умен, грамотен, интересно строил предложения - я читала сообщения Марка, словно небольшие отдельные истории, наполненные важным скрытым смыслом. Я пыталась разгадать этот смысл. И казалось мне, в каждом слове так и сквозит, так и сочится: "Я хороший! Поверь мне!"

Сегодня вместо обычного "Привет!", он прислал мне цветы. Картинка с ромашковым полем вызвала улыбку и, ответив стандартное "Спасибо!", я задумалась, что бы мне отправить в ответ.

Марк Изотов:

- Я бы мог подарить тебе настоящие. Не так... Я бы **хотел** подарить тебе настоящие!

Барышня:

- Вспомни мой портрет, который присылала тебе несколько дней назад и сразу передумаешь!

Марк Изотов:

- Барышня, я завтра уезжаю.

Он - мужчина. Он уезжает. Месяц назад я даже представить себе не могла, что буду переписываться с мужчиной! А сегодня стало грустно от того, что больше этих переписок не будет! Я не знала, что ему ответить. Просто смотрела в экран, пока не появилось ещё одно сообщение.

Марк Изотов:

- Давай попрощаемся?

Барышня:

- Давай!

Марк Изотов:

- Ну, тогда выходи!

Барышня:

- В каком смысле?

Но я уже поняла. Но сердце мое уже колотилось о грудную клетку со скоростью света. Неужели...

Марк Изотов:

- Я, кажется, не скрывал, что работаю в детективном агентстве. Хочешь знать, как я догадался, выходи!

Трясущимися руками я уперлась в стол. Медленно встала из-за компьютерного стола. На дрожащих ногах подошла к окну, чуть отодвинула штору и выглянула во двор, ещё надеясь, что это - шутка! Но в темном дворе в ту же секунду чья-то машина мигнула фарами! Это не могло быть совпадением! Таких совпадений просто не бывает!

Звук входящего сообщения на компьютере заставил вздрогнуть. Я не могу! Я не пойду ни за что! Там темно, и ночь, и мужчина в машине! Я не могу-у-у!

- Я не могу-у-у! - сжала в кулаки руки, стиснула зубы, чтобы не выбивали противную дробь. - Уезжай!

Проскулила жалобно, наполняя звенящую тишину комнаты звуками собственного голоса и очень надеясь, что вот сейчас окажется, что все происходящее - просто сон, просто почудилось мне! Стоило только порадоваться, поверить, что можно вот так, запросто, общаться с мужчиной, стоило только найти себе друга, человека, с которым можно было безопасно переписываться, стоило поверить, что можно считать мужчину **человеком** и даже хорошим человеком, как он тут же все испортил!

Сообщения на компе щелкали, не переставая. Сквозь слезы я все-таки начала их читать:

Марк Изотов:

- Про Гришу хочешь знать?

- И цветы завянут!

- Я клянусь, руки распускать не буду!

- Катя, пожалуйста!

И нет, страх никуда не делся. И желания встретиться со страхом своим лицом к лицу не появилось. Просто мне вдруг показалось, что Я могу **притвориться!** Я ведь могу смело и открыто выйти, взять цветы, узнать про Гришу и, пожелав Марку счастливого пути, уйти к себе? Как сделала бы обычная, нормальная женщина? Я ведь могу попробовать хотя бы? Леночка из соседнего подъезда каждые выходные уходит в ночь с очередным кавалером! И, главное, возвращается утром, когда я уже выгуливаю Джонни. Счастливая возвращается... А мне нужно выйти всего на несколько минут. Пересилить себя, пережить свой ужас, доказать себе... Что именно доказать, я не успела придумать. Решительно шагнула к двери.

Я устала бояться всего на свете! Разве Я - тварь дрожащая? Разве Я не имею права... Есть у меня право быть человеком? Или Я всегда буду такой - трусливой, глупой, всеми презираемой, всеми жалеемой, никому не нужной?

И это же Марк Изотов! Он же не такой, как другие! Он не такой, как они, как ТЕ! Он Гришу ищет. Он любит свою дочь. Он терпит изменщицу-жену. Он рассказывает замечательные - добрые, веселые - истории! Он ничего мне не сделает.

А потом, когда я уже обувалась, когда почти спокойно завязывала шнурки на кроссовках, в голову пришла еще одна мысль. Я подумала: "А даже если со мной сейчас и случилось бы что-то... Что-то подобное тому, что было тогда... Пусть лучше так! Пусть лучше умереть от разрыва сердца! Или нет! В этот раз я бы орала, я бы кусалась, я бы дралась, я бы доказала всем, и насильникам, и себе, что я не безмолвное, согласное на все существо, которое когда-то, жутко боясь боли и смерти, СОГЛАШАЛОСЬ делать все те ужасы, которые требовали ЭТИ... А ведь, возможно, кричи я тогда, дерись, бейся изо всех сил, и не было бы всего того, что БЫЛО!

Презирая себя, желая себе всех бед и несчастий, и даже надеясь на то, что вот сейчас у меня будет шанс проявить свою силу и смелость, я почти бегом преодолела два этажа и, на секунду остановившись у двери из подъезда и переведя дыхание, открыла ее...

13 глава. Катя

Он стоял у скамейки. В круге света далекого фонаря, установленного у входа в парк. Наш, тот, что возле подъезда, уже месяц как сломался. Его лицо было едва различимо. Но не узнать было невозможно.

Он курил. Но тут же затушил сигарету, как только, повернувшись на звук открываемой двери, увидел меня. Я застыла, не решаясь шагнуть из подъезда, из своего укрытия, рассматривая и отмечая для себя то, отрицательное, что было в нем - высокий рост, широкие плечи, обтянутые короткой кожаной курткой, длинные ноги - легко догонит, легко схватит, и я не смогу ТАКОМУ дать отпор! Не смогу, наверное! Но я буду кричать! Обязательно заору так, чтобы весь дом проснулся! И кусаться буду, и...

- Здравствуй, Барышня! Я понимаю... нужно было приехать к тебе днем, когда люди вокруг, когда светло. И я собирался сделать именно так - через пару дней, когда ты привыкнешь получше. Но так получилось, что завтра утром я уезжаю. И не знаю, как долго меня не будет. Я хотел тебя увидеть.

- Зачем?

У меня и вправду не было предположений. Хотя... может быть, он хочет что-то уточнить о Грише? Ах, Гриша! И не давая ему ответить, я затараторила:

- Ты сказал, что знаешь что-то новое о Грише! Ты его нашел? Он жив?

Наверное, мне показалось - в полутьме не разберешь, но я видела, как Марк чуть приподнял, а потом опустил плечи, словно вздохнул с облегчением. А почему... почему он говорит, что хотел приехать днем? И как он узнал, кто я? И зачем ему делать так, чтобы я привыкла...

Забыв о своих страхах, я шагнула к нему ближе и всмотрелась в лицо. Он улыбался.

- Он скорее всего жив. Вчера похожего мальчика видели на железнодорожном вокзале. Кассирша запомнила его потому, что билет не продала. А не продала она его потому, что при покупке билетов для детей на поезд дальнего следования нужно свидетельство о рождении. И оно у мальчика было. Но... судя по свидетельству и паспорту сопровождавшего ребенка мужчины, они - не родственники. Женщина насторожилась и решила вызвать дежурного полицейского. И тут мужчина рассказал душещипательную историю об умершей матери мальчика, о том, что единственный оставшийся в живых родственник - бабушка, которая живёт в Подмоскowie, что он всего лишь сопровождает ребенка.

Гриша жив! Но что это за мужчина такой с ним? Кто он? Зачем ему мальчик? В памяти вдруг всплыла фамилия, услышанная мною во сне. Не боясь показаться странной - я знала, чувствовала, что и без того странной выгляжу - я сказала:

- Его фамилия, случайно, не Радулов?

Руки Марка, положение которых я внимательно отслеживала, неожиданно взметнулись вверх. Я отшатнулась в ужасе. Но он всего лишь запустил пальцы в собственную шевелюру, ероша волосы. И рассмеялся:

- Радулов? Не зря меня к тебе так тянуло! Чуйка! Откуда знаешь эту фамилию? Гриша тебе о нём рассказывал?

Хм, я скептически взглядела в повернутое к свету лицо Изотова - он медленно обводил меня взглядом с ног до головы. И мне так сильно захотелось сжаться, слиться с асфальтом под ногами, туманом рассеяться, исчезнуть куда угодно, только бы не быть объектом такого пристального внимания. Я попятилась назад. Он было пошатнулся, чтобы шагнуть следом, но, к моему счастью, не сделал этого, а наоборот, перестал рассматривать, перевел взгляд на окна Гришиной квартиры. Только поэтому я смогла не сбежать. И мне уже было безразлично, что этот человек обо мне подумает - мне было физически тяжело находиться с ним рядом, мне

уже было нужно уйти. Я четко ощущала, как последние крохи выдержки тают. Так долго с мужчиной я не разговаривала со времён учёбы в институте... Поэтому и сказала правду:

- Нет, он мне не рассказывал. Фамилия эта мне приснилась.

- Чего? Seriously?

Он не засмеялся надо мною. Но удивлен был сильно.

- Да.

- А что еще тебе приснилось? Ты не подумай, что я не верю... В моей практике всякое бывало. Например, парень один в отделе дежурным работал... Так вот он, заступая на смену, заранее следака предупреждал - будет в этот раз выезд на труп или нет. И никогда не ошибался. То есть существует некоторая вероятность, что ты права. А это - уже зацепка и неплохая. Можно базу данных по фамилии поднять... Так, что тебе ещё приснилось?

- Ну... Даже не знаю, как это все рассказать. Мне снилось, что я - молодая девушка по имени Катя Малейкина, что мой отец - член дворянского собрания города, что я живу в старинном таком особняке, мне 18 лет и я собираюсь на бал...

14 глава. Катя

У Марка зазвонил телефон. Вытащив его из кармана, он сбросил звонок.

- Рассказывай-рассказывай! - скомандовал мне, запихивая мобильный обратно.

Но он зазвонил снова.

- Ответь, - теперь уже скомандовала я, удивляясь, что набралась смелости достаточно для того, чтобы раздавать команды мужчине!

- Да, Тимур! Точно все готово? Машину проверил? Документы? Нет, ты, я и Ленька... Кто? Альбина хочет? Ну, не знаю... Хотя, может, и правда ее пора к расследованию привлечь - сколько можно юристу дипломированному на телефоне сидеть? Нет, домой тебе пока нельзя. Найди мне инфу о человеке по фамилии Радулов из окружения Григория Мерцалова. Очень срочно! Нет, имени не знаю, - он вопросительно посмотрел на меня, и я покачала головой, мол, нет, имя мне не приснилось. - Попробуй так, может, что-то вылезет. И пусть Ленька запрос Перекальскому делает о нем... Кто это? Это, дорогой мой, возможный похититель мальчика!.. Как нашел? Я, в отличие от вас, бездельников, работаю даже по ночам... Все, не ной! Делай, что сказано...

Когда он не обращал на меня внимания, мне было проще. И даже как-то дышалось легче. И я могла рассматривать... И рассматривала! Он ходил взад-вперед на расстоянии метра, и от такого движения до меня долетал аромат его туалетной воды. И это был такой приятный запах, что мне хотелось закрыть глаза и втягивать воздух носом, поворачивая голову вслед за Марком! Мне даже... захотелось шагнуть ближе, чтобы лучше почувствовать.

И я, почему-то решившая, что он увлечен разговором и поэтому на меня внимания не обращает, со странной смесью ужаса и восхищения рассматривала его. Марк Изотов был, без сомнения, самым красивым мужчиной, которого я видела в своей жизни. Красивее всех актеров вместе взятых, красивее самых обаятельных телеведущих, красивее Кирилла Шепелева, моего одноклассника, в которого я была влюблена когда-то... И который, узнав о произошедшем со мною, бросил, ни разу не прийдя в больницу. Он, правда, позвонил... Позвонил и сказал, что ему, конечно, очень жаль, но встречаться со мной он не может больше... Ну, это как-то по-другому, естественно, звучало, но мне запомнилось именно так. Впрочем, тогда этот удар был одним из многих и, совершенно точно, не самым болезненным.

Но даже не внешняя красота, не идеально правильные черты лица, не совершенные пропорции фигуры, которые легко угадывались под одеждой, заставляли меня смотреть, не отрывая глаз. Что-то другое... Какое-то немыслимое притяжение, словно нитями призрачными, глазу невидимыми, удерживало мой взгляд на нем. Каждое его движение казалось совершенным, грациозным, как у хищника... А я, как жертва, как тот кролик, застыла и глаз от "удава" отвести была не в силах...

Не прерывая разговора по телефону, он отошел к дороге а потом, открыв дверцу машины, наклонился и вытащил из салона букет цветов.

А мне никогда никто не дарил цветов. Нет, не так. Мне никогда не дарил цветов мужчина... На работе на каждый день рождения девчонки вручали мои любимые орхидеи в горшочках. Но до этого момента я и не задумывалась о том, что цветы без повода от малознамого человека... это приятно. Интересно, сколько там, в букете, их? Судя по тому, как Марк с трудом обхватывает рукой перевязанные лентой стебли, много. В темноте не разобрать.

- Всё, Тимур! В пять утра чтобы были возле моего дома, я собирать вас по городу не буду. Что? Решите это с Олегом! Нет. Мне не звони сегодня...

Его разговор подходил к концу, и я напряглась снова, подобралась, словно теперь, когда внимание мужчины было нацелено исключительно на меня, мне угрожала какая-то опасность.

- Катя, я могу подойти ближе? - спросил он, остановившись на том же расстоянии от меня, в рамках которого разговаривал со мною до телефонного звонка.

Колени подкосились. И чтобы не расплакаться от унижения и боли, я крепко зажмурила глаза. ОН ВСЁ ЗНАЕТ! Он знает мою страшную грязную тайну! И вчера, наверное, знал... Когда читал мои шутки в сообщениях. Он читал и думал, и представлял, как я... как меня... Не сдержавшись, я всхлипнула и закрыла лицо ладонями.

Мне убежать было нужно! Мне было нужно опрометью нестись в свой домик-раковину, чтобы, сжавшись под одеялом в холодной постели, пережить, перетерпеть эту боль. А я стояла перед ним - раздавленная - и не могла сдвинуться с места! Меньше всего на свете я бы хотела, чтобы ОН знал!

А ведь лицо закрывать было нельзя. Только не при нем. Не при мужчине. Не при чужом. Его на виду держать было нужно! Следить за каждым движением! А я, дурочка, потеряла контроль. И когда очнулась, когда убрала руки, почувствовала, что он стоит ближе, чем было нужно... чем было можно, то поразила тому, что вижу!

Он был так близко, что руку протяни - дотронешься, упрешься в мощную грудную клетку, туго обтянутую светлой тканью футболки. И мне казалось, что я не просто его запах ощущаю, я чувствую жар его тела, от которого, как от печки, идет тепло ко мне. Я вижу его руки, открытыми ладонями выставленные передо мной - мол, смотри, я без каких-либо скрытых намерений! А... цветы где? Пока я в испуге взглядом ищу цветы - ну, не могли же они мне привидеться - он говорит:

- Катя, я не обижу, я не трону, ничего не сделаю. Клянусь тебе. Обещаю, слышишь?

- Зачем тебе всё это? - выдавливаю из себя, не смея поднять взгляд в его лицо, желая, но не решаясь шагнуть, убраться подальше от него. - Что ты от меня хочешь?

15 глава. Марк

Еще утром я и предположить не мог, что ночью буду стоять перед Катей, перед моей Барышней, странной, загадочной женщиной, из-за которой не мог спать ночами, из-за которой поставил на уши весь город. Но узнал, нашел, понял, кто она!

А ведь искал я зря. Понять, что Барышня - это Катя Семёнова, соседка Гриши Мерцалова, оказалось проще простого! Всего-то нужно было внимательно рассмотреть фотографии с ее игрушками, те самые, которые Барышня присылала мне в первый день нашего виртуального знакомства! Кукла, например, была сфотографирована на подоконнике в ее кухне, ровно в том ракурсе, с какого видел помещение я, когда разговаривал с Натальей Аркадьевной, матерью Кати, а потом и с ней самой. А бык - в прихожей, на комод, ровно в центре его поверхности, сидящим на белой кружевной салфеточке. Когда я снимал обувь, взглядом упирался именно в нее, в салфетку эту!

У меня была хорошая память. Профессиональная. Особенно четко откладывались в голове мелочи. Если бы сразу же после посещения их квартиры я додумался посмотреть фотографии, понял бы еще быстрее. А так почти неделю, урывками, отрывая такое необходимое, такое быстротечное сейчас время от поисков ребенка, я искал Катю или, точнее, искал я, кто такая Барышня, напрягая одного своего хорошо знакомого хакера. А параллельно (нет, ну бывают же такие совпадения!) наводил справки о Екатерине Семёновой! И каково же было мое удивление, когда ровно за полчаса до звонка того самого программиста, который пробивал месторасположение компьютера Барышни, я додумался посмотреть фотографии и по задним планам на них понял, кто она такая!

... - Зачем тебе всё это? Что ты от меня хочешь? - спрашивает она отрывисто, и даже в полутьме, даже в неярком свете далекого фонаря, я вижу слезы, еще не пролитые, но вот-вот готовые побежать по щекам.

Я знаю о ней все. И это знание такую бурю подняло в моей душе, что впору заорать сейчас, или, что еще лучше было бы, разогнаться на машине так, чтобы спидометр зашкаливал, чтобы от адреналина, от эмоций этих сгорело, вытеснилось из сердца странное чувство... Дикое желание найти и голыми руками разорвать тех уродов, которые морально и физически когда-то уничтожили эту женщину. И, сука, за столько лет не нашлось никого - ни среди ее близких, ни среди наших доблестных правоохранительных органов, кто наказал бы обидчиков, кто просто дал бы им по заслугам! Я уже знал их имена... Из троих мудаков, которые фигурировали в уголовном деле об изнасиловании, давно сданном в архив, только один отсидел в тюрьме. Да и то за преступление, не связанное с Катей. Дело было развалено, причем достаточно грубо - при желании, можно было и сейчас попытаться...

Из троих мразей, по сути, наказан был только один, Стас Морозов, по кличке Лощман, причем наказан, так сказать, высшими силами - он умер около шести лет назад от рака желудка. Остальные до сих пор топчут землю... нашего города! Они, бл..ь, ходят где-то здесь, вполне возможно, иногда встречаются Катю...

Я стоял рядом с ней и не мог выдавить из себя ни звука, но мысленно разговаривал с нею: "Что я хочу от тебя? Если бы я знал, Катя, если бы я только знал! Просто еще до того, как в моей голове соединились два твоих образа - виденный мною здесь в день пропажи Гриши Мерцалова и тот, виртуальный, который сложился во время нашей переписки, уже тогда, испытываемая странное чувство раздвоения сознания, я... хотел вас обеих. И эта тяга, она ведь не только в физиологической потребности заключается... Не столько в ней..."

Иррациональное, малообъяснимое чувство заставляло меня, как маньяка какого-то, всматриваться в Катини фотографии, сделанные Тимуром по моей просьбе...

Такая удивительная, такая особенная женщина. Необычная, странная, пугливая и, одновременно с этим, гордая, с глазами, наполненными болью, хрупкая и сильная, ни от кого не зависящая и безумно одинокая, очень красивая - яркая с этими волосами рыжими и в то же время неприступная, совершенно точно не понимающая, какой она видится окружающим... Женщина, обладающая удивительным качеством - она умела слушать, умела сочувствовать, умела понимать! И я ведь не был большим любителем рассказывать подробности из собственной личной жизни, а выложил ей все о себе! Она была принцессой, заточенной в башне. Барышней, которую мысленно вот уже который день я называл своей. Моя Барышня...

- Я, пожалуй, пойду уже, - так и не дождавшись от меня ответа, говорит она и разворачивается к подъезду.

И я понимаю, что вот сейчас упущу свой единственный шанс! Я не для того столько искал! Интуитивно запрещаю себе говорить ей о том, что она мне нравится и, тем более, о том, что я хочу добиться ее расположения. Нельзя. Это - табу... пока это табу. Но говорить что-то нужно и прямо сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.